

СД 7/269.

И. КАМАНИНЪ.

Дд. 1637.

КЪ ВОПРОСУ О КОЗАЧЕСТВѢ

ДО

БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.

1894.

217/269.
29. 1637.

И. КАМАНИНЪ.

КЪ ВОПРОСУ О КОЗАЧЕСТВѢ

ДО

БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

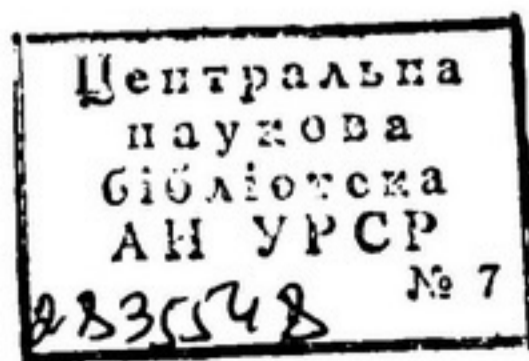

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.

1894.

Печатано по постановленію Совѣта Общества Нестора лѣтописца.
(Оттискъ изъ VIII-й книги „Чтенія въ Историч. Общ. Нест. лѣт.“).

Глибокоуважаемому

Михайлу Флегонтовичу

Владимірському-Буданову.

посвящаетъ

авторъ

Въ исторической литературѣ установились два противоположные взгляда на козачество: одни видятъ въ немъ только борющихся за идею героевъ, рыцарскій орденъ, полувоенное, полумонашеское братство, доводятъ, однимъ словомъ, идеализацію его до послѣднихъ предѣловъ; другіе, наоборотъ, съ неменьшей настойчивостью, считаютъ козачество гнѣздомъ разбойниковъ, ищущихъ легкой наживы, избѣгающихъ власти и всякаго порядка, производящихъ смуту внутри и внѣ государства и наводящихъ враговъ на свое отечество; каждая изъ сторонъ, опираясь на одни и тѣже источники, толкуетъ ихъ сообразно своимъ политическимъ, національнымъ и религіознымъ симпатіямъ; получаютъ два крайнія мнѣнія, между которыми трудно отыскать истину; намъ кажется, поэтому, что ни то ни другое изъ нихъ не можетъ быть вполне принято въ наукѣ. Крайніе взгляды примиряются и факты получаютъ болѣе близкое къ истинѣ значеніе и смыслъ, когда мы начинаемъ смотрѣть на козачество, какъ на исконное землевладѣльческое и земледѣльческое туземное южно-русское населеніе, сознающее свою национальную особность и преданное своей вѣрѣ, которое, признавъ сначала добровольно власть татаръ, а потомъ, перейдя подъ владычество Литвы и славъ послѣднюю съ собою, при вторженіи въ его жизнь чуждыхъ шляхетско-католическихъ началъ, стало стремиться къ обособленію, къ выработкѣ собственныхъ формъ; но, вслѣдствіе отсутствія сильной центральной власти въ немъ, вслѣдствіе соединеннаго польско-турецкаго давленія извнѣ, вслѣдствіе постоянныхъ смутъ и броженій неустановившихся элементовъ внутри, оно вынуждено было разрываться лишь въ многосторонней обезспливавшей его борьбѣ, которая и составляетъ отличительную черту козацкой исторіи. Однако, хотя борьба и выдвигала героевъ, жизнь всей массы населенія шла всетаки по обычнымъ историческимъ законамъ; лѣтописи и акты, какіе до сихъ поръ были выбираемы и издаваемы историками, достаточно разъясняютъ лишь политическія событія да военно-административный строй козачества, но слишкомъ мало даютъ для характеристики экономическихъ отношеній въ немъ, служащихъ главной основой общественной жизни; для одной изъ сторонъ этой именно основы, въ частности для исторіи разви-

тія земельладѣнія среди козачества, мы предлагаемъ теиерь тѣ немногіе документы, которые намъ удалось собрать, въ надеждѣ, что болѣе счастливые розыскатели дадутъ и большее число ихъ, а это уже позволить установить современемъ фактъ прочиѣе, опредѣлить его послѣдовательный ростъ, размѣръ, характеръ и вліяніе и поняти правильноѣе тѣ явленія въ козацкой исторіи, посильное обьясненіе которыхъ мы пытаемси представить здѣсь, съ грустью сознавая во многихъ случаяхъ недостаточность и неполноту нашихъ данныхъ.

КЪ ВОПРОСУ О КОЗАЧЕСТВѢ

ДО

БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

„Будетъ когдася отъ тыхъ юнаковъ
речь посполитая волная“.

(Лѣтопись Грабянки, 22).

„И аще царство на ся раздѣлится,
не можетъ стати царство то“.

(Ев. Марка, III, 24).

„*Verum confitentibus, latifundia perdi-
dere Italiam, jam vero et provinciam.*“

(Plin. Н. Н. XVIII. 7s.).

Рядъ работъ по исторіи Южной Руси, начатыхъ проф. В. Б. Антоновичемъ и продолжаемыхъ его учениками въ теченіе текущей четверти вѣка, въ весьма значительной степени разъяснили мало изслѣдованныя до того времени судьбы нашего края; въ ряду этихъ работъ мы прежде всего встрѣчаемъ извѣстное изслѣдованіе проф. Н. П. Дашкевича о Болоховской землѣ¹⁾, въ которомъ онъ первый пытался разрѣшить одинъ изъ темныхъ вопросовъ въ исторіи южно-русскаго населенія, въ XIII и XIV вв., вообще, и, въ частности, населенія, занимавшаго ту территорію, гдѣ позже, въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ, широко развилось свободное, полувоенное, полуполуземледѣльческое козачество. Благодаря названному труду Н. П. Дашкевича,

¹⁾ „Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи“. См. „Труды III-го археологическаго съѣзда, бывшаго въ Кіевѣ“. Кіевъ. 1874 г., т. II, стр. 68 (и отдѣльный оттискъ). Его-же: „Новѣйшіе домысли о Болоховѣ и болоховцахъ“. Кіев. у—тет. изд. 1884, № 4 и отдѣльно).

а также и другимъ работамъ¹⁾, прямо или косвенно затрогивающимъ тотъ же вопросъ, могутъ быть болѣе или менѣе прочно установлены слѣдующіе факты:

Послѣ татарскаго погрома Южная Русь не обезлюдѣла совершенно; разбѣжавшееся населеніе возвращается къ своимъ пепелищамъ, когда миновала гроза нашествія.

Въ эту эпоху населеніе обнаруживаетъ непріязненное отношеніе къ княжескому строю, слагается въ автономныя общины со своими особыми, не выдающимися, однако, изъ массы, князьями или атаманами во главѣ, которыхъ западно-европейскій путешественникъ того времени (Плано Карпини) называетъ префектами.

Общины добровольно подчиняются татарамъ (становятся „людьми татарскими“, „людьми сѣдящими за татары“), которые оставляютъ имъ свободу подъ условіемъ платежа дани земледѣльческими продуктами („да имъ орють пшеницу и просо“) и вообще произведеніями своей страны и своего труда.

Общины эти не имѣли городовъ въ смыслѣ укрѣпленныхъ оборонительныхъ пунктовъ, хотя не могли обходиться безъ центровъ своей торгово-промышленной дѣятельности („складовыхъ мѣстъ“) и администраціи.

Занимаясь промыслами въ лѣтніе мѣсяцы на поляхъ, въ лѣсахъ или по рѣкамъ, общины высылали небольшіе вооруженные отряды для защиты въ случаѣ нападенія вочеввиковъ; такіе отряды располагались на огражденных самою природой островахъ рѣвъ Буга и Днѣпра.

Съ половины XIII и до послѣдней почти четверти XV вѣка лѣтописи ничего не говорятъ объ общинахъ, потому что, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ г. Грушевскій, „жизнь разбросанныхъ

¹⁾ Назовемъ работы проф. В. Б. Антоновича: „Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе (1362—1569)“. См. его „Монографія“, т. I, стр. 221. — Его же: Изслѣдованіе о козачествѣ (1500—1648 г.г.). См. „Архивъ Юго-Западной Россіи, часть III, т. I. — М. Ф. Владимірскаго-Буданова: „Населеніе Юго-Запад. Россіи отъ половинъ XIII в. до половинъ XV вѣка“ и „Населеніе Юго-Западной Россіи отъ второй половинъ XV в. до Люблинской уніи (1569 г.). См. „Архивъ Юго-Запад. Россіи“ ч. VII, т. 1 и 2-й. — М. С. Грушевскаго: „Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія.“ Кіевъ. 1891 г. — Н. В. Молчановскаго: „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 года“. Кіевъ. 1885. — М. Серіенка: „Громадскій рух на Україні—Руси в XIII віці“ (Записки Товариства імени Шевченка. ч. I. Львов. 1892). —

автономныхъ общинъ, не имѣвшихъ княжескихъ усобицъ, не производившихъ походовъ на сосѣднія земли, не вступавшихъ въ брачныя связи съ сосѣдними государями, жизнь чуждая и враждебная современнымъ княжско-государственнымъ понятіямъ“, не могла доставить матеріала для лѣтописцевъ ¹⁾. Вслѣдствіе такого недостатка лѣтописныхъ извѣстій дѣлать заключеніе о судьбѣ общинъ въ означенный періодъ времени мы можемъ, принимая лишь во вниманіе общія важнѣйшія событія въ исторіи Южной Руси того времени. Такъ, ослабленіе силы татаръ вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ у нихъ во второй половинѣ XIV в. и возрастаніе власти литовскихъ князей привело общины въ концѣ XIV в. къ подчиненію послѣднимъ; литовскіе князья распространяютъ границы своихъ владѣній ²⁾ до сѣверныхъ береговъ Чернаго моря и рядомъ крѣпостей стараются оградить эти границы; изъ крѣпостей извѣстны: Каневъ, Черкасы, Кременчугъ, Уискъ, Гербедеевъ, (теперь Келеберда, с. Золотоношскаго уѣзда, при Днѣпрѣ), Рогъ Мишуриный (с. Верхнеднѣпр. у.), Кичкасъ (гдѣ нынѣ Кичкасская переправа на Днѣпрѣ въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ.), Таванъ (теперь Бериславъ), Бургунъ (теперь с. Бургунка ниже Берислава), Тягинъ (теперь м. Тягинка при впаденіи въ Днѣпръ рѣчки Тягинки) и Очаковъ ³⁾; кромѣ того упоминаются еще Хаджибей (Одесса), Монкастро (Аккерманъ) и Карауль ⁴⁾.

Подчиненіе Южной Руси Литвѣ должно было поставить старыя общины во враждебныя отношенія къ татарамъ; но эти отношенія еще

¹⁾ Очеркъ исторіи Кіевской земли, стр. 442.

²⁾ Въ 1540 г. относительно литовской границы „люди старые кіяне, черкашане, каневцы, вѣдалше тыхъ границъ господарскихъ, повѣдали“, что она начиналась отъ устья р. Мурафы, притока Днѣстра, и шла „на низъ Днѣстромъ, по половинѣ Днѣстра мимо Тягино (Бендеры), ажъ гдѣ Днѣстръ упалъ въ море; а оттоль съ устья Днѣстрова лвиеномъ пошла граница мимо Очакова ажъ до устья Днѣпрова; а Очаковъ на землѣ вашей милости господарской стоитъ; а отъ устья Днѣпрова до Тавана (Берислава); а у Тавана были перевозки вшей милости на полы съ переконскимъ царемъ“; а по той сторонѣ Тавана граница шла по Овчѣй водѣ „у верхъ Самары и у верхъ Оргія ажъ до Донца, а отъ Донца по Тихую Сосну“..... „А тые границы князь Семень Озельковичъ (1455—1471) высылалъ намѣстника своего Свиридова, который отъ него Черкасы держалъ; а тотъ по тымъ мѣстцомъ розвѣджалъ и по тымъ урочищамъ границы клалъ“ (Акты Запад. Россіи, т. II, стр. 362).

³⁾ Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Вып. 1-й, стр. 53 (Отгискъ изъ „Кіев. Старина“).

⁴⁾ В. Б. Антоновичъ, Монографія, т. I. 245.

болѣе обостряются со времени признанія надъ собой крымскими ханами власти турецкаго султана, когда также и въ самомъ Крыму ханскій престолъ занялъ воинственный и энергичный Менгли-Гирей; союзъ его съ московскимъ княземъ Иваномъ III Васильевичемъ и общая борьба ихъ съ Литвой дѣлаетъ поэтому вполне понятнымъ и тотъ характеръ отношеній южно-русскихъ общинъ къ московскому князю и крымскому хану, который мы наблюдаемъ въ самую раннюю эпоху, до какой только доходятъ достовѣрныя документальныя данныя; такимъ наиболѣе раннимъ документальнымъ источникомъ для исторіи южно-русскихъ общинъ служитъ дипломатическая переписка между Московскимъ государствомъ, съ одной стороны, а Литвой, Польшей¹⁾, Крымомъ,²⁾ Турціей, Молдавіей и Валахіей³⁾, съ другой.

Обратимся къ разсмотрѣнію заключающихся въ ней данныхъ.

Замѣтимъ прежде всего, что въ этой дипломатической перепискѣ Московскаго государства, въ донесеніяхъ и рѣчахъ великокняжескихъ и царскихъ пословъ, посланниковъ и гонцовъ, южно-русское населеніе, вообще, и козачество, въ частности, выступаетъ подъ тѣмъ же именемъ, подъ какимъ извѣстно оно у нихъ и въ послѣдующее время, т. е., подъ именемъ „черкасъ“; рядомъ съ этимъ они именуются еще „королевыми людьми“, вообще, и, въ частности, извѣстны подъ именемъ воеводы, или лица, которому подчиняются; напр., „Пацевы люди“, т. е. подчиняющіеся кievскому воеводѣ Юрію Пацу; въ другихъ документахъ: „князя Дмитріевы козаки“, „козаки Щуровы роты“ и проч.; иногда же они называются просто „козакамя“, какимъ эпитетомъ и мы будемъ пользоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Наиболѣе раннее извѣстіе о жителяхъ Приднѣпровья мы находимъ въ перепискѣ московскаго князя съ литовскимъ подъ 1489 г., когда черкасы, подъ предводительствомъ своихъ старшинъ Богдана, Голубца и Василя Жилы нападаютъ на московскихъ купцовъ при

¹⁾ Сборникъ Импер. Рус. Историч. Общества, т. XXXV: Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-литовскимъ государствомъ, т. I, 1487—1533. Изданъ подъ редакціей Г. Ѳ. Карпова. Изд. 2-е. Спб. 1892.

²⁾ Ibid., т. XLI: Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Крымскою и Ногайскою ордами и съ Турціей, т. 1-й, 1474—1505. Изданъ подъ редакціей Г. Ѳ. Карпова. Спб. 1884.

³⁾ „Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи, Валахіи, и Турціи въ XIV—XVI вв.“ (См. Чтенія въ Москов. Обществѣ исторіи и древностей, кн. 3-я за 1887 г.).

переѣздѣ ихъ черезъ Днѣпръ у Тавани, грабятъ у нихъ товары и нѣкоторыхъ убиваютъ; они именуются здѣсь „пана Юрьевыми людьми¹⁾ Пацевыми“. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что козаки грабятъ московскихъ купцовъ, не смотря на то, что они ѣхали въ свитѣ возвращавшагося изъ Крыма польскаго посла Яна и находились такимъ образомъ подъ его покровительствомъ²⁾.

Дипломатическая переписка между Москвой и Польшей по поводу этого нападенія тянется до мая 1492 г., но безъ всякаго результата для потерпѣвшей стороны; не окончилась она, какъ возникаетъ новая переписка сначала между татарскимъ ханомъ и литовскимъ княземъ, а потомъ и между московскимъ, вслѣдствіе того, что козаки сдѣлали нападеніе въ 1492 году на судно татарское подъ Тягинью на Днѣпрѣ, разбили его, плѣнили нѣсколькихъ чело-вѣкъ, захватили имущество, деньги, стада воловъ, лошадей и проч.; на жалобу объ этомъ хана великій князь литовскій велѣлъ украиннымъ старостамъ розыскать заграбленное и возвратитъ тата-рамъ³⁾. Въ октябрѣ 1494 г. козаки опять даютъ знать о себѣ: посолъ

¹⁾ „Нмиѣча пакъ сего лѣта (1489) наши послы Московскіе земли, Тферскіе земли и Ноугородскіе земли многіе люди шли изъ Крыма съ твоимъ посломъ Яномъ вмѣстѣ; да какъ пришли на Таванъ къ перевозу, и твоего посла Яна перевозники Днѣпръ перевезли а нашихъ гостей Днѣпръ не перевезли. Да пришедъ на нихъ твоего пана Юрьева люди Пацѣвича, въ головахъ Богданъ, да Голубецъ, да Васко Жила со многими людьми да нашихъ гостей перебили и переграбили, и товаръ у нихъ весь поимали, многихъ людей до смерти побили и перетопили, а иныхъ многихъ людей тѣхъ нашихъ гостей и нмиѣча безъ вѣсти нѣтъ“. (Сборникъ Импер. Рус. Истор. Общества, т. XXXV, стр. 23).

При требованіи удовлетворенія по этой жалобѣ московскій князь называетъ грабителей „королевными людьми“ (Ibid., стр. 38, 42).

²⁾ Въ хроникѣ Мартина Вѣльскаго, подъ тѣмъ-же 1489 г., передается рассказъ о походѣ козаковъ, вмѣстѣ съ обывателями Подолія, подъ предводительствомъ короля Яна-Альбрехта противъ татаръ и побѣдѣ надъ ними подъ Коныстырникомъ (Шароградскаго округа Летичевскаго повѣта).—Изъ малорусскихъ лѣтописцевъ Лукомскій, пользуясь Гвагнинномъ, говоритъ о весьма раннихъ успѣхахъ козаковъ; но по проверкѣ нами его ссылокъ оказалось, что одни факты онъ заимствовалъ у Вѣльскаго, ошибочно называя своимъ источникомъ Гвагнина, а другія, принадлежащія, правда, Гвагнину, искажаетъ, относя къ козакамъ то, что послѣдній говорилъ о литовцахъ. („Лѣтоп. Самовид.“ Кіевъ. 1878 г., 325—330).

³⁾ „Pisales do nas w jarłyku swoim, iż ludzie nasi kaniewscy i czerkascy, przeszedszy Dniepr pod Tebinią, okręt twój rozbili i jednego człowieka zabrali, i dużo rzeczy pobrali; a potem pod Tebinią czerkascy dziesięć koni zabrali i trzech ludzi uprowadzili z sobą. A to nam nie wiadomo, czy się to stało; a jeśli stało, to bez naszej woli. Przeto posłaliśmy do naszych urzędników ukraińnych, aby rzeczy te wszystkie odszukali między *kozakami*, a co wynajdą, aby oddali do rąk sługi twojego Musaka i ludzi, którzy był

великаго князя московскаго бояринъ и князь Иванъ Андреевичъ Суббота шелъ отъ валашскаго господара Стефана, вмѣстѣ съ его посломъ, въ Крымъ къ Менгли-Гирею; ихъ на пути „козакѣ потоптали“, всѣхъ ограбили и многихъ изъ посольской свиты перебили; въ письмѣ къ великому князю ханъ не указываетъ мѣста происшеетія¹⁾; изъ донесенія же московскаго посла въ Крымъ Константина Заболоцкаго и самого потерпѣвшаго „Иванца Субботы“ оказывается, что нападеніе совершено Уздемиромъ царевичемъ, братомъ Менгли-Гирея, враждовавшимъ съ нимъ, при участіи черкаскаго „воеводки“, при чемъ еще эти союзники взяли и разорили „новый городокъ“ на Днѣпрѣ, сооруженный Менгли-Гиреемъ, какъ базисъ для дѣйствій противъ „черкасъ²⁾“ Вскорѣ, однако, благодаря содѣйствію московскаго посла и Уздемиръ царевичъ и черкасскій воевода Богданъ, который именуется теперь „княземъ“, находились въ рукахъ Менгли-гирея³⁾; какъ поступилъ онъ съ ними, до насъ не

poymani, i rzeczy, ktorzy byli zabrani; a tych złych ludzi, ktorzy się tego dopuscili, kazalismy skarac, aby daley tego nie było; a ty, bracie nasz, abys także ludziom twojm rozkazał, aby naszym ludziom ukraiynum szkod nie czynili, a jakie szkody naszym ludziom od twojch się staly, abys kazał oddac i popłacic, aby między nami wzmosniało się braterstwo i przyiazń“. Такъ писалъ литовскій князь къ крымскому хану (См. Каз. Пуласкій: „Szkice i poszukiwania historyczne“. Krakow. 1887. I. „Dziki roia“, стр. 19; авторъ дѣлаетъ эту цитату изъ литов. метрика, кн. № 192, л. 247.

¹⁾ „Менгли-Гиреево слово: Великому князю Ивану, брату моему, поклонъ. Суббота слуга твой ѣхалъ; изъ Черкаскаго городка козакѣ потоптали, все понмали, пѣша оставили; къ тебѣ есмь не смогъ отпустити; хотѣлъ къ Степану воеводѣ воротитись, и язъ не пустилъ; и ковна варадивъ и одѣтна съ Костянтиномъ хочю отпустити съ Божією милостію (Сборникъ И. Р. О., т. ХLI, 194; Читеніа въ Москов. Общ. исторіа и древн.: В. Уляницкаго: „Матеріалы для исторіа взаимныхъ отношеній Россіа, Польши, Молдавіа Валахін и Турціа въ XIV—XVI вв.“, стр. 122. 123; кн. 3-я за 1887 г.).

²⁾ „Да приходилъ, государь, Уздемиръ царевичъ, да съ нимъ приходилъ Богданъ черкаскаго воеводка, да взяли новый городокъ“ (Сборникъ И. Р. И. О., ХLI, 195). Такъ доносилъ Заболоцкій; Суббота же говоритъ: „И мы, господине, пришли были подъ новый городокъ ко царю на перевозъ; да не дошли есмь, господине, до Днѣпра; и пришли, господине, на насъ по грѣхомъ черкасци ночи люди многіе, да насъ, господине, потоптали и пограбили; а мы головами своими отошли пѣши и наги; а Бѣляка, господине, у насъ убили, да и нашихъ людей“ (Ibid.). Упоминаемый здѣсь черкасскій воевода Богданъ быть можетъ одно лицо съ тѣмъ Богданомъ, котораго мы встрѣтили выше подъ 1489 г. Кромѣ близости по времени ихъ дѣйствій другихъ основаній нѣтъ для отождествленія этихъ вождей козачества.

³⁾ „А твой (посоль Заболоцкій) Костянтинъ“, пишетъ ханъ царю, „то видѣлъ и сему важному дѣлу нашему не утерпѣ, нашего брата Уздемира царевича къ намъ послалъ, Черкаскаго города князя Богдана вмѣстѣ послалъ твоего, брата моего, дѣла дѣла“ (Сборникъ И. Р. И. О., ХLI, 196).

дошло извѣстій; но освободившись такимъ образомъ отъ сильныхъ и враждебныхъ себѣ вождей, ханъ спокойно совершаетъ набѣгъ на козацкія поселенія, къ которому безуспѣшно собирался два раза; сообщая объ этомъ великому князю и высказывая сожалѣніе о потеряхъ, происшедшихъ отъ разоренія козаками городка и простиравшихся, по его счету, до 150,000 „алтынъ“, онъ какъ бы хочетъ сказать, что безпощадною жестокостью своего нападенія желалъ выместить на козакахъ свои потери и не истребилъ совершенно населенія въ сожженныхъ городахъ только по тому, что предувѣдомленное о его движеніи сторожевымъ отрядомъ, т. е., тѣми „людьми, которые на *Нѣпрѣ* стояли“, оно разбѣжалось ¹⁾).

Поводомъ къ нападеніямъ козаковъ на татарскую галеру подъ Тягинью на Днѣпрѣ, а также на московскихъ пословъ и купцовъ у Тавани, служила, мы думаемъ, политика великаго князя Ивана III по отношенію къ литовскому; въ своихъ грамотахъ къ крымскому хану онъ постоянно возбуждаетъ его противъ Литвы и совѣтуетъ предпринять походъ на Южную Русь для завоеванія Кіева и Черкасъ. Менгли-Гирей, хотя и выражаетъ всегда полную готовность „сидиться на конь“, но подъ разными предлогами медлитъ въ исполненіи своихъ обѣщаній и заботится прежде всего о томъ, чтобы обезопасить свои владѣнія отъ нападеній козаковъ. Такъ, еще въ іюнѣ 1492 г., крымскій ханъ увѣдомляетъ московскаго князя о намѣреніи построить крѣпость ниже Тавани и оттуда уже дѣлать нападенія на Южную Русь. Іоаннъ III отвѣчаетъ ему, что, вмѣсто сооруженія города, лучше всего идти прямо воевать ближайшія владѣнія литовскаго князя, обѣщая тогда помощь и отъ себя ²⁾. Въ октябрѣ того же года русскій посолъ Лобановъ доноситъ изъ Крыма великому князю, что новый городокъ дѣйствительно основанъ на Днѣпрѣ и снабженъ гарнизономъ; ханъ, увѣдомляя съ своей стороны, о томъ же московскаго князя, проситъ его принять участіе въ денежныхъ расходахъ на сооруженіе крѣпости; Іоаннъ III отказываетъ ему въ выдачѣ суб-

¹⁾ „До зими трижды крѣзь на конь садился: впервые пошелъ, ино ледъ росполился; а вдругорадь разболѣвъ воротился; а втретье и сѣмъ ѣздомъ, приходъ съ пушками и съ пишалми, на Черкаской городокъ пришли есмь, и нашъ ходъ которые изъ люди на *Нѣпрѣ* стояли видѣвши шодъ скачали; сколко городовъ своихъ пометавъ, бѣжали; и мы шодши Черкаскій городокъ въ головахъ и нине ихъ города пожгли, по близу они людей своихъ не оставили бѣгу дла“ (ibid. 196).

²⁾ Сборникъ И. Р. П. О., т. XLІ, 149, 157, 158, 165, 182, 187 и 190.

сиди, мотивируя тѣмъ, что крѣпость находится далеко отъ литовской границы, почти при самомъ устьѣ Днѣпра, и потому не можетъ причинить вреда его врагу; когда, наконецъ, возави, о чемъ мы говорили выше, разорили эту крѣпость, ханъ, исчисляя убытки, въ видѣ жалобы и упрека, заявляетъ князю, что они цѣликомъ ложатся на него одного тяжелымъ долгомъ¹⁾; неудовлетворенный великимъ княземъ Менгли-Гирей частыми набѣгами на Русь возмѣщаетъ свои убытки; въ перепискѣ упоминается о набѣгахъ 1494 и 1496 гг.²⁾ Въ 1498 г, ханъ торжествовалъ побѣду: чрезъ своихъ пословъ въ Москвѣ Казимира да Хозяша онъ извѣщаетъ великаго князя о приѣздѣ къ нему черкасскихъ князей и людей и привозѣ поминокъ³⁾, во главѣ этихъ князей и людей стоялъ Айтекъ³⁾; вслѣдъ за тѣмъ ханъ опять извѣщаетъ московскаго князя о приѣздѣ къ нему другого „черкаскаго князя“ Антонова; кочуя со своею ратью, онъ хотѣлъ-было уже отпустить князя въ свою землю, когда получилъ извѣстіе о движеніи литовскаго князя и турецкаго султана на молдавскаго господаря Стефана; „и мы на его сторону пошли“, прибавляетъ ханъ, умалчивая о судьбѣ какъ

¹⁾ „Который городъ на Нѣпрѣ чи или есми, вземши и разорили, на тридцать тысячъ алтынъ деньгами взяли, а въ немъ шестьдесятъ и четыре человекъ взяли, а иныхъ побили, а иныхъ въ полонъ свели. А тотъ городъ дѣлалъ и нутрь дѣлалъ, сколько харчу учинилось; съ тобою, со братомъ своимъ, чинилъ есми роту, потому не солжу: на полтораста тысячъ алтынъ долгу учинилъ и нарядилъ; и нынѣ тотъ долгъ на мнѣ“ (Сборникъ И. Р. И. О., XLl, 196).

²⁾ Ibid., 209—212, 218,

³⁾ „Вотчина наша добра, здорова стоятъ; и нынѣ, Богу моляся, опроче черкасъ дѣла намъ нѣтъ; а и сами вѣдаете: Айтекъ въ головахъ, черкаскіе князи и люди приѣхали и поминки привезли“ (Ibid., 279). Предполагать, что здѣсь идетъ рѣчь о черкасахъ кавказскихъ мы не видимъ основанія, потому что только днѣпровскіе черкасы причинили много хлопотъ и крымскому хану и московскому князю; только они могли быть интересны Москвѣ и потому ханъ сообщаетъ о своихъ отношеніяхъ къ нимъ. Имя Айтека также не должно давать повода къ сомнѣнію въ виду известной разноплеменности козацкаго населенія. Вотъ что, напр., говорятъ о козацкихъ именахъ польскій исследователь: „Imiona i nazwiska tych kozakow, spotykane po źródlach w aktach XV i XVI stolecia swiadczą o owej roznorodności pierwiastków składowych owej mieszanie plemion zaś i wyznaw. Przytaczamy dla przykładu owe nazwiska: Duszbekenicz, Mandryk, Minka, Mitenko, Mussa, Karacza, Sołtaniec, Czaban, Labos, Kozar, Aberendij, Malik-basza, Zubrik i t. d. Odrazu bije w oczy dużo imion tatarskiego i mongolskiego pochodzenia“ (См. Каз. Пуласкаго: „Szkice i poszukiwania historyczne“—Dziki pola, стр. 17). Замѣтимъ, что г. Пуласкій въ свой перечень многихъ несомнѣнно татарскихъ именъ вноситъ нѣсколько и чисто южно-русскихъ: Митенко, напр., и друг.

будто задержаннаго князя ¹⁾). Но, кажется, предстоявшая война не нарушила установившихся добрыхъ отношеній Менгли-Гирея къ черкасамъ, и въ 1500 г. великій князь литовскій Александръ напоминать Менгли-Гирею, что онъ самъ писалъ къ кievскому воеводѣ князю Дмитрію Путятичу и къ „черкасскому князю“ Ивану Дашковичу и просилъ прислать пословъ ²⁾ „въ добрыхъ рѣчахъ“; тѣмъ не менѣе заключеніе мирнаго договора едва-ли между ними состоялось, потому что въ апрѣлѣ того же года козаки совершили набѣгъ на Очаковъ ³⁾, гдѣ захватили въ плѣнъ много людей и долго, не смотря на требованія, не хотѣли ихъ возвратить. Попытку примирить враждующія стороны дѣлалъ и великій князь московскій еще наканунѣ 1500 г., въ декабрѣ предшествовавшаго; онъ сообщаетъ великому князю литовскому Александру, своему зятю, жалобу крымскаго хана Менгли-Гирея на то, что литовское правительство нарушило старыя права хана и продолжаетъ чинить насиліе, именно: присвоиваетъ себѣ населеніе, тянувшее будто бы изстари къ ордѣ, не позволяетъ взимать съ нихъ дань, допускаетъ своихъ людей разорять татарскіе города и брать безошлинно соль; при этомъ ханъ перечисляетъ слѣдующіе города Южной Руси, отнятые у него литовскими князьями: Кіевъ, Каневъ, Нестобратъ, Дашко, Яро, Чанамъ, Болдавъ, Кулжанъ, Биринъ, Чалбашъ, Черкасскій городокъ, Путивль и Липятинъ ⁴⁾. Само

¹⁾ Сборникъ И. Р. И. О., ХLI, 263.

²⁾ „Что еси писалъ и всказывалъ до воеводы нашего кievскаго князя Дмитрія Путятича и до намѣстника черкаского князя Ивана Дашковича, иж быхмо къ тобѣ, брату нашему, нашихъ пословъ послали въ добрыхъ речѣхъ“. (Сборникъ И. Р. И. О., ХLI, 330).

³⁾ Ibid., 305.

⁴⁾ „Еще которые наши люди отъ стороны потягли къ нашей ордѣ, тѣмъ нашимъ людямъ не велитъ намъ исаки давати, ни нашимъ дарагамъ не велитъ у нихъ по старинѣ быти; да еще пришедъ его люди на Дивлрѣ у меня городъ взяли, колко нашихъ людей побили, и выхъ съ собою свези, а кунъ безчисленно взяли. И опослѣ того, который городъ на устьѣ Дивира здѣлали есмя, тому городу его люди за все, приходи въ судѣхъ, много лиха чинятъ. Еще его люди на нашей земли, изъ старини приходи, соль имали и пошлины давали; а иныѣча его люди приходи соль только емлютъ, а пошлинъ не дають. Такая сила чинится,—какъ намъ съ нимъ помирится?“—Ханъ желаетъ, чтобы все было возстановлено такъ, какъ было „при Седехматѣ при царѣ“.

Относительно городовъ „Менгли-Гиреевъ царевъ посолъ Ази-Халель сказывалъ, что изъ старини къ Перекопской ордѣ тянули Кіевъ въ головахъ почевъ; а опроче по тѣмъ городкомъ дараги были и исаки съ тѣхъ людей имали: Каневъ, да Нестобратъ, да Дашко.

собою разумѣется что примиреніе не могло быть достигнуто на почвѣ такихъ неумѣренныхъ требованій Менгли-Гирея. Въ то же время происходитъ разрывъ между московскимъ и литовскимъ князьями; и Іоаннъ III уже не только не помогаетъ примиренію, но, напротивъ, по прежнему уговариваетъ хана идти и воевать Кіевъ и сосѣдніе города¹⁾; посланнаго имъ съ такой цѣлью въ Крымъ гонца Дмитрія Ларева, „кіевскіе и черкаскіе козаки“ поджидаютъ на Днѣпрѣ, чтобы „потоптать“; но это не удалось имъ, благодаря лишь отряду въ 300 человѣкъ, отправленному Менгли-Гиреемъ на встрѣчу гонцу; козаки были отбиты, потерявъ 7 человѣкъ убитыми и 7 ранеными да 30 убитыхъ лошадей²⁾; такія безпрестанныя стычки съ козаками заставляютъ крымскаго хана снова подумать о возобновленіи крѣпости ниже Тавани, о чемъ онъ и пишетъ московскому князю въ ноябрѣ 1504 г.³⁾, особенно же послѣ того какъ козаки опять ограбили купцовъ крымскихъ и кафинскихъ, хотя заграбленное и было возвращено потерпѣвшимъ по распоряженію „черкаскою князя“⁴⁾.

Къ разсматриваемому нами раннему періоду жизни козачества относятся также и его враждебныя отношенія къ Кафѣ; въ 1501 г. кафинскій султанъ Шихзода въ союзѣ съ азовскими козаками, велъ войну съ черкасами, но былъ ими разбитъ⁵⁾; въ слѣдующемъ году, послѣдніе дѣлаютъ нападеніе на азовскихъ козаковъ⁶⁾; кафинскій султанъ, ожидая также нападенія и на себя, проситъ помощи у крымскаго хана, но почему-то получаетъ отъ него отказъ; въ 1503 г. черкасы гра-

да Яро, да Чанамъ, да Болдавъ, да Кулжанъ, да Биринъ, Челбашъ, да Черкаскій городокъ да Путивль, да Липятинъ; тѣ городки и съ селы всѣ царевы люди, то язъ вѣдаю, а иное вѣдаетъ царь, братъ твой“ (Сборникъ И. Р. И. О., т. XXXV, 290—292).

¹⁾ Сборникъ И. Р. И. О., т. XLI, 427 и 430.

²⁾ Ibid., 476 и 479.

³⁾ Ibid., 539 и 540.

⁴⁾ „Менгли-Гиреево слово: Великому князю Ивану, брату моему, слово то: въ Кіевъ зимняго для платя, шубы, съ кафинци есми своего человѣка послалъ, и Шихзодинъ человѣкъ былъ вмѣстѣ жъ съ ними съ кунами; и у нихъ рухладъ была: жемчугъ, камни съ золотомъ, и золотые, и гроши, и деньги; и тѣ гости на Днѣпрѣ перевозили: я на Тавани; моего человѣка, и Шихзодина человѣка, и гостей тутъ на перевозѣ на Тавани пограбили и тѣ куны у нихъ поимали кіевци да черкасци, да и прочь пошли. И которые на нихъ приходили въ судѣхъ грабити ихъ, и черкаскій князь тѣ куны собравъ въ нимъ приславъ“ (Ibid., 542).

⁵⁾ Сборникъ И. Р. И. О., XLI, 357.

⁶⁾ Ibid., 391.

бять на Днѣпрѣ ¹⁾ товары у кафинскихъ купцовъ, повторяя тоже и въ слѣдующемъ году, какъ мы выше упомянули ²⁾).

Таковы тѣ немногіе важнѣйшіе факты, какіе можно было извлечь изъ дипломатическихъ актовъ и которые съ точностью и опредѣленностью, не подлежащею ни малѣйшему сомнѣнію, представляютъ намъ положеніе южно-русскаго населенія въ концѣ XV и началѣ XVI вв., т. е. до того времени, къ которому лѣтописи относятъ возникновеніе козачества и начинаютъ говорить о немъ.

Изъ этихъ фактовъ мы видимъ, что южно-русское населеніе уже въ концѣ XV в. является вполне сложившимся въ ту общественную форму, въ которой изображаютъ намъ лѣтописи козачество XVI в., т. е. въ форму сильной воинственной общины.

Мы видѣли также, что въ то же время воинственные и храбрые приднѣпровскіе обитатели именуется уже въ современныхъ имъ дипломатическихъ актахъ „козаками“. Но такъ какъ для своего образованія и развитія козачество необходимо должно было употребить болѣе или менѣе продолжительное время, то начало его съ увѣренностью можетъ быть отнесено не къ концу XV в., а ко времени болѣе раннему, можетъ быть даже и не къ началу XV в. (если принять во вниманіе слова Менгли-Гирея, въ которыхъ онъ выражаетъ желаніе, чтобы въ отношеніи Южной Руси былъ возстановленъ тотъ порядокъ вещей, какой существовалъ при Седи-Ахметѣ, т. е. около половины XV в.), а, что гораздо вѣроятнѣе, къ половинѣ XIV, ко времени распространенія власти литовскихъ князей надъ южно-русскимъ населеніемъ ³⁾, которое подъ давленіемъ этой новой силы должно было стать во враждебныя отношенія къ татарамъ и, мало по малу, изъ мирныхъ земледѣльческихъ общинъ, работавшихъ на татаръ, организовываться въ полувоечныя и полужемледѣльческія общины, ставшія въ послѣдствіи извѣстными подъ именемъ козаковъ; литовское подчиненіе какъ бы пробудило національное самосознаніе и породило надежду на поддержаніе русскихъ началъ общественной жизни въ населеніи по освобожденіи отъ тяжелаго монгольскаго рабства.

¹⁾ Ibid., 467 и 469.

²⁾ Ibid., 542.

³⁾ Завоевателемъ Кіевской и Подольской земли былъ Ольгердъ, по мнѣнію однихъ историковъ, и Гедиминъ, по мнѣнію другихъ (1320—1362 гг.).

Въ концѣ XV в. мы видимъ козаковъ уже настолько сплывшими, что они вступаютъ въ открытую борьбу съ татарами, нападая на ихъ галеры и разоряя города, и долго сдерживаютъ ихъ набѣги на Русь, не смотря на подстрекательство московскаго великаго князя, пословъ котораго они грабятъ и убиваютъ при малѣйшемъ неудовольствіи.

При господствѣ власти литовскихъ князей мы не замѣчаемъ полной зависимости отъ нихъ козаковъ; послѣдніе сами, сообразно своимъ собственнымъ интересамъ, становятся, какъ показываютъ вышеприведенные факты, въ дружественныя или враждебныя отношенія къ Крыму или Москвѣ, являясь такимъ образомъ болѣе или менѣе самостоятельными во внѣшней политикѣ.

Большая или меньшая политическая независимость, находясь въ непремѣнномъ соответствіи съ развитіемъ мѣстной автономіи, заставляетъ насъ предполагать значительное развитіе ея среди козачества еще въ XV в. Такъ, оно подчиняется своимъ собственнымъ предводителямъ, которые въ приведенной выше дипломатической перепискѣ именуется, то подвоеводами, то князьями; этотъ же титулъ встрѣчается и въ королевскихъ грамотахъ, относящихся къ представителямъ центральной власти среди южно-русскаго населенія.

Указанія дипломатическихъ актовъ на одновременное существованіе у козаковъ нѣсколькихъ предводителей и различіе въ нихъ козаковъ черкасскихъ отъ каневскихъ, кievскихъ и другихъ позволяетъ думать, что въ то отдаленное время козачество распадалось на отдѣльныя общины, и во главѣ каждой изъ нихъ стоялъ свой особенный „князь“¹⁾.

¹⁾ Слово „князь“ употребляется въ дипломатической перепискѣ. Крымскій ханъ свою переписку съ великимъ княземъ московскимъ велъ на татарскомъ языкѣ; грамоты его для князя переводились въ посольскомъ приказѣ; въ нихъ именовъ „князь“, мы думаемъ, означали въ Москвѣ такой же терминъ, какой стоялъ и въ ханскихъ грамотахъ, въ которыхъ онъ могъ быть принятъ какъ укоренившееся туземное названіе предводителя, дающее ясное представленіе о его національности. Терминъ „князь“ мы находимъ и въ западно-русскихъ актахъ; напр., въ 1500 г., въ грамотѣ короля Александра крымскому хану черкасскимъ наместникомъ названъ князь Иванъ Дашковичъ; въ грамотѣ короля Сигизмунда I, данной имъ на имя черкаскаго наместника Василя Дашковича, послѣдній также титулуется „княземъ“, а между тѣмъ извѣстно, что семья Дашковичей не была княжескаго происхожденія, и этотъ титулъ не удержался въ ея потомствѣ (Акты Юж. и Запад. Россіи, т. II, 143). Тоже слѣдуетъ сказать и о какомъ-то князѣ Богданѣ, котораго, какъ мы видѣли выше, русскіе послы называютъ прямо „подвоеводкой“. Всѣ эти эпитеты могли быть синонимами другого древняго эпитета „дука“ (отъ dux), замѣнявшагося позже

Черкасскіе „князья“, какъ и все населеніе Подніпровья, находятся въ нѣкоторой зависимости отъ кievскихъ князей и воеводъ, при чемъ первые именуются также намѣстниками послѣднихъ, иначе подвоеводами, или являются замѣстителями ихъ. Интересы и тѣхъ и другихъ въ разсматриваемый періодъ времени были общи какъ въ отношеніи промысловъ, такъ и борьбы съ татарами, и мы не видимъ враждебныхъ отношеній между королевскими воеводами и старостами и населеніемъ; это дѣлаетъ понятнымъ, почему во главѣ козацкихъ отрядовъ въ войнахъ съ татарами становятся старосты южно-русскихъ королевскихъ замковъ: Евстафій Дашковичъ, Предславъ Лянскоронскій, Венживъ Хмельницкій, Михаилъ и Дмитрій Вишневецкіе, Константинъ I-й и II-й Острожскіе, Евстафій Ружинскій и друг., которыхъ козацкія лѣтописи называютъ первыми гетманами и стараются установить между ними послѣдовательность вопреки документальнымъ даннымъ, доказывающимъ ихъ одновременность¹⁾.

Занятіе населенія было изстари одно и то же: лѣсное хозяйство, рыбная ловля, охота, соляной промыслъ и земледѣліе, на что указываютъ и уставная грамота Кіевской землѣ, данная въ 1494 г., и вы-

эпитетомъ „атамана“, „гетмана“, который удержался и до сихъ поръ въ народномъ языкѣ и встрѣчается въ извѣстной думѣ о Фесѣѣ Ганжѣ Андыберѣ въ смыслѣ „богача“. Казиміръ Пуласкій въ своемъ сборникѣ сочиненій: „Szkice i poszukiwania historyczne“ (Kraków, 1887, стр. 239, примѣч.) пишетъ: „nie należy jednak brać ruski tytuł „kniazia“ za jedno co „książe“ (kniąże); oznaczał on tylko pana znaczniejszego od innych; Bartoszewicz pisał o tem wyszczególniając w rozprawie, wydanej po śmierci autora w Krakowie w 1876 r.: „Kniaz“ i „książe.“ Если бы удалось опредѣлять повинности населенія Южной Руси по отношенію къ своимъ „князьямъ“, то, быть можетъ, мы имѣли бы основаніе сблизять князей козачества съ „князьями“ сель, основывавшихся на валахскомъ правѣ (См. объ этомъ у гр. Александра Стадницкаго: „O wsiach tak zwanych woloskich na rolnospnym stoku Karpat“ (Lwów, 1848), гдѣ князья являются въ роли солтысовъ), или со старостами королевскихъ имѣній (См. И. Линевиченко: „Черты изъ исторіи сословій въ Юго-Запад. (Галиц.) Руси XIV—XV в. Москва. 1894 г.). Въ Смѣлянщинѣ до сихъ поръ сохраняется преданіе о какомъ-то князѣ Куріи и его двухъ сестрахъ Матрошѣ и Доминѣ; по имени брата названа гора; Матрона основала монастырь въ 30—40 верстахъ отъ м. Смѣлы, а Домла насыпала плотину на Ирдинскомъ болотѣ, монастырь несомнѣнно весьма древняго происхожденія Бартошевичъ говоритъ объ огромной массѣ князей, распространяющихся до Днѣпра и даже въ Сѣверщинѣ, и, сравнивая его со звѣздами млечнаго пути восклицаетъ: „кто пересчитываетъ звѣздочки этого млечнаго пути, кто пересчитываетъ князей Волнамъ и Задніпровья“ (Dziela, X, 381)?

¹⁾ Архивъ Ю.-З. Россіи, ч. III, т. I. Предисловіе В. Б. Антоновича: „Исслѣдованіе о козацествѣ по актамъ 1500—1648 гг.“, стр. XXVII.

шеприведенная жалоба крымскаго хана московскому князю на литовскаго о неплатежѣ пошлинъ, и люстрація XVI в.

Для огражденія своихъ полей и промысловъ отъ грабежей татарскихъ, козаки имѣли на Днѣпрѣ постоянный отрядъ, который или самъ отражалъ опасность, если былъ въ силахъ, или предупреждалъ населеніе о движеніи большихъ непріятельскихъ полчищъ, какъ пишетъ о такомъ случаѣ въ 1493 году Менгли-Гирей московскому князю.

Если мы вспомнимъ теперь приведенную нами въ началѣ характеристики южно-русскихъ общинъ XIII и XIV вв. съ вышеизложенными фактами изъ исторіи козачества конца XV и начала XVI вв., то легко замѣтимъ полное сходство въ социальномъ строѣ тѣхъ и другихъ; если же мы примемъ во вниманіе также и то, что послѣ татарскаго нашествія не произошло такихъ рѣшительныхъ событій, которыя бы на мѣстѣ общинъ XIII в. поставили бы новое населеніе со сходной же общественной организаціей, то должны будемъ признать генетическую связь между тѣми и другими. Еще Н. И. Костомаровъ, излагая свои „Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси“, говоритъ: „козачество уже въ своемъ существѣ возникло въ XII—XIII вѣкѣ.... читая исторію Юго-Западной Руси XII—XIII вѣва можно видѣть юношескій возрастъ того общественнаго строя, который является въ возмужаломъ видѣ черезъ нѣсколько столѣтій..... Народная жизнь XIV и XV в. намъ мало извѣстна; но элементы, составлявшіе начало того, что явилось въ XVI вѣкѣ ощутительно, въ формѣ козачества, не угасали, а развивались“¹⁾. Много приведено цѣнныхъ фактовъ и высказано предположеній и въ упомянутомъ трудѣ Н. П. Дашкевича о Болоховской землѣ относительно ранняго развитія козачества въ Подоліи; матеріалы же, собранные М. С. Грушевскимъ о барской околичной шляхтѣ и напечатанные въ 1 и 2 томѣ VIII части „Архива Юго-Западной Россіи“, такъ же какъ и изслѣдованіе его по этимъ матеріаламъ даютъ болѣе твердую опору для разрѣшенія вопроса о времени возникновенія козачества.

Изъ вышеизложеннаго мы также видѣли, что черкасы, или козаки, производятъ свои нападенія на московскихъ, молдавскихъ и татарскихъ пословъ и купцовъ исключительно на Тавани или около нея;

¹⁾ „Историч. монографіи и изслѣдованія“, I, 69—72.

что для послѣднихъ путь отъ Кіева или Черкасъ до Тавани былъ самымъ опаснымъ, и московскій князь всякій разъ просилъ у литовскаго проводниковъ до Тавани, „чтобы лиха отъ его людей не было никотораго“; что отсюда же дѣлались ими нападенія на татаръ и давались вѣсти въ сѣверныя города о наступленіи враговъ; что они, наконецъ, по словамъ Менгли-Гирея, именно „стоятъ на Нѣпрѣ“; слѣдовательно, мы въ правѣ отсюда вывести заключеніе, что еще въ XV в. на Днѣпрѣ, гдѣ-то на Тавани или около нея, во всякомъ случаѣ ниже пороговъ, т. е. *за порогами*, находилось мѣсто постояннаго пребыванія отряда черкасовъ, или козаковъ, и при томъ довольно значительнаго въ числѣ; мы думаемъ также, что, находясь на открытой рѣкѣ, стоя, такъ сказать открытой грудью противъ ежеминутно готоваго къ нападенію врага, сдерживая его порывы къ грабежу, отрядъ козаковъ не могъ не имѣть хотя слабыхъ укрѣпленій, послужившихъ зародышемъ будущей сѣчи; въ этому-то отдаленному періоду, покрытому туманомъ неизвѣстности отъ недостатка свѣта тоговременныхъ документовъ, мы и относимъ ея начало; сѣчь необходимо должна была родиться вмѣстѣ съ козачествомъ, со времени господства литовскихъ князей надъ Южной Россіей, вслѣдствіе новыхъ измѣнившихся отношеній населенія къ татарамъ.

Положеніе этого отряда на Днѣпрѣ трудно опредѣлить по неопредѣленности нашихъ данныхъ; весьма вѣроятно, что онъ находился и на Тавани, гдѣ существовали какія-то городища, которыми усилившіеся потомъ ханы и воспользовались для устройства на немъ крѣпости Мустритъ-кермена, а рядомъ съ нимъ двухъ другихъ Казы-кермена (теперь, Бериславъ), на правомъ, и Асланъ-кермена, (теперь Каховка), на лѣвомъ берегу Днѣпра, для удержанія козаковъ отъ походовъ на Крымъ. Въ концѣ XV в. татары еще не рѣшались занять островъ Тавань и предполагали воспользоваться городищемъ надъ Днѣпромъ ниже Тавани, чтобы построить себѣ крѣпость и оттуда уже громить недруговъ московскаго князя ¹⁾; крѣ-

¹⁾ Въ іюні 1492 г. Менгли-Гирей пишетъ въ Москву великому князю: „А что мнѣ было на королеву землю ратью итти, и азъ нынѣча здумалъ такъ: есть на королевои земли ниже Тавани, на той сторонѣ Днѣпра, городище на(дъ) Днѣпромъ; и азъ нынѣчя пошелъ тотъ городъ дѣлати со всѣми людьми, и какъ дастъ Богъ сдѣлаю его, и близко буду недруга своего, и азъ оужъ дастъ Богъ недругу своему да и брата своего недругу хочю недружбу чинити, сколько ми Богъ пособитъ“ (Сборникъ И. Р. И. О., т. ХLI, 149)

пость была построена, но вскорѣ разорена козаками, какъ мы показали выше. Намъ кажется, поэтому, что здѣсь-то на Тавани и была древнѣйшая Запорожская сѣчь. Козаки, часто мѣнявшіе мѣста пребыванія своего коша, оставили, вѣроятно, Тавань въ 1504 г., ибо въ концѣ этого года ханъ предполагаетъ строить новый городъ уже на самомъ островѣ Тавани ¹⁾; почему ушли отсюда козаки, неизвестно; быть можетъ вслѣдствіе напора татаръ, поддерживаемыхъ турками; въ это время они, хотя и продолжаютъ грабежи на Тавани, но тотчасъ по совершеніи ихъ „уходятъ прочь“ ²⁾.

Но если Запорожская сѣчь должна была необходимо возникнуть на Тавани или вблизи нея въ XV в., то мы не видимъ, поэтому, основаній для того, чтобы приписывать zaloженіе ея московскимъ или литовскимъ князьямъ. Напротивъ, мы наблюдаемъ, что, независимо отъ присутствія въ низовьяхъ Днѣпра сильнаго отряда изъ южно-русовъ, польско-литовское и московское правительства, не полагаясь на „залогі запорожскіе“, быть можетъ часто враждебные имъ, содержали каждое отдѣльно свои собственные сторожевые отряды на Днѣпрѣ и заботились объ устройствѣ тамъ крѣпостей для предупрежденія на случай выступленія въ походъ татаръ; указаніе на этотъ фактъ мы находимъ еще подъ 1498 г. ³⁾ въ дипломатической взаимной перепискѣ сосѣднихъ государствъ Польши, Литвы, Москвы, Молдавіи, Валахій, Турціи и Крыма. Мы не можемъ также согласиться съ мнѣніемъ большинства нашихъ историковъ объ основаніи сѣчи княземъ Дмитріемъ Вишневецкимъ на островѣ

¹⁾ Въ ноябрѣ 1504 г. крымскій ханъ сообщаетъ въ Москву: „Да еще самъ на Днѣпрѣ на Таванѣ хочу доспѣти, одинъ городъ великъ, и городище есть, и язъ то хочу городъ доспѣти“ (Ibid., 540). Въ другой грамотѣ онъ прибавляетъ нѣсколько подробностей: „Богъ дастъ ся весна будетъ, перекопъ здѣлаю, а на Днѣпрѣ на Таванѣ перевозѣ Инкермень городъ сдѣлаю, а салтанъ Баязидъ тысячу человекъ далъ; „перекопъ крѣпкой сдѣлай“, молвилъ; и нинѣ Богъ доведетъ съ первовесніа, со всею ратью своею шодъ на томъ дѣлѣ буду (Ibid., 544).

²⁾ См. примѣч. на стр. 63. — Въ первой половинѣ XVI в., т. е. до времени, къ которому принято относить возникновеніе сѣчи, мы также находимъ указанія на отрядъ козаковъ на Днѣпрѣ, именно, въ грамотѣ короля къ крымскому хану, отъ 30 ноября 1542 г.: „а къ тому тежъ дано намъ отъ старостъ нашихъ украинныхъ знати, ижъ лихіе люди козаки, яко в замковъ нашихъ, таеъ тежъ и московскаго, зъ немалымъ почтомъ на рѣцѣ Днѣпру лежатъ и кони съ собою мають, и говцовъ нашихъ, такожь и твонхъ, брата нашего, которые до насъ ходятъ, стерегутъ и грабятъ“ (Акты Занад. Россіи, т. II, 394).

³⁾ Читенія въ Москов. Общ. исторіи и древн., кн. III-я, 1887 г., стр. 139.

Хортицѣ; изъ нихъ, напр., Максимовичъ и друг. ссылаются на Та-тищева; послѣдній же повторяетъ лишь фактъ, заимствованный изъ малоизвѣстной у насъ тогочасной лѣтописи Нормантскаго, въ которой говорится лишь о сооружеиіи города, но вовсе не сѣчи, какъ укрѣпленнаго мѣста для пребыванія „немалаго почта“ козаковъ. (Временникъ Москов. Общ. исторіи и древностей, кн. 5, стр. 102, 103 и 116).

О построеніи замка же, а не сѣчи, говоритъ и другой писатель XVI в. Эрихъ Лассота (1594 г.) въ своихъ „Путевыхъ запискахъ“ (по изданію Ф. Бруна, стр. 53). Оба современника говорятъ такимъ образомъ о сооружеиіи города, замка; авторъ Нормантской лѣтописи означаетъ мѣсто его „на Днѣпрѣ, на Кортитскомъ островѣ, противъ Конскихъ водъ“, Лассота же—на островѣ Малой Хортицѣ, лежавшемъ выше большаго острова того же названія. Изъ этихъ двухъ извѣстій, противорѣчащихъ одно другому, мы считаемъ первое болѣе достовѣрнымъ, потому что авторъ Нормантской лѣтописи, обстоятельно знакомый съ дѣятельностью Дмитрія Вишневецкаго дѣлалъ свои записки одновременно съ происходившими событіями; Лассота же писалъ спустя 30 лѣтъ по преданію; послѣднее могло быть ошибочно, такъ какъ не было связано ни съ какими воспоминаніями изъ козацкой исторіи: замокъ не былъ козацкимъ поселеніемъ, а основанъ на „господарево имя“, хотя Н. И. Костомаровъ ссылается, для утвержденія противоположнаго мнѣнія, на грамоту короля Сигизмунда-Августа отъ 1557 г. ¹⁾; остальные историки совсѣмъ не имѣютъ сколько-нибудь серьезнаго основанія; но и упомянутая грамота Сигизмунда не позволяетъ дѣлать то заключеніе, къ какому пришелъ г. Костомаровъ; правда, въ ней король благодаритъ Вишневецкаго за устройство замка въ удобномъ мѣстѣ,—и только, не больше; но, въ какомъ мѣстѣ, не означаетъ: на землѣ или на рѣкѣ; выше или ниже пороговъ; это тѣмъ болѣе не могла быть сѣчь, что Вишневецкій, во 1-хъ, устроилъ городъ „на господаря“, вообще, „ку повстягненю лихихъ людей“, подъ которыми обыкновенно разумѣлись козаки, отличавшіеся этимъ эпитетомъ отъ „поганства—татаръ“, и, во 2-хъ, проситъ короля снабдить новооснованный замокъ „людьми“ и „стрѣльбой“, чего вовсе не требовалось бы, если бы замокъ былъ занятъ запорожцами. Изъ

¹⁾ Акты Южн. и Запад. Россіи, т. II, стр. 148, № 130.

тоговременной лѣтописи Нормантскаго мы уже знаемъ, что замокъ дѣйствительно былъ сооруженъ на Днѣпрѣ; подтверждая въ грамотѣ сообщаемый лѣтописью фактъ, король увѣдомляетъ между прочимъ Вишневецкаго, что и московскій царь тоже готовится строить замокъ при Днѣпрѣ. Тѣмъ не менѣе однакоже, признавая удобство положенія крѣпости, король отказывается въ посылкѣ гарнизона и вооруженія, а вмѣсто того совѣтуетъ Вишневецкому удерживать козаковъ отъ нападений на татарскихъ чабановъ, обѣщая выслать жалованье и дать „науку“ для дальнѣйшихъ дѣйствій¹⁾. Такъ какъ мѣсто, избранное Вишневецкимъ для замка, не было занято и укрѣплено, король „людей“ и „стрѣльбы“ не прислалъ, то о сооруженіи воинственнаго князя мы и не встрѣчаемъ болѣе въ актахъ указаній; между тѣмъ, въ 1635 г., когда сеймъ опредѣлилъ, что для удержанія „лихихъ людей“ необходимо построить крѣпость, то мѣстомъ для нея былъ избранъ Кодакъ, потому что Хортица былъ уже въ рукахъ запорожцевъ.

Точно также не могло основать сѣчь и московское правительство; оно, въ свою очередь, серьезно было занято вопросомъ о сооруженіи крѣпостей по Днѣпру и даже намѣтило для этого пунктъ: урочище Монастырище гдѣ-то на длинномъ пространствѣ между Черкасами и островомъ Хортицей; до 1559 года это предположеніе не было еще приведено имъ въ исполненіе, потому что царю на Днѣпрѣ служилъ Дмитрій Вишневецкій; но Хортицкій городъ былъ оставленъ, и вопросъ о новой крѣпости выступилъ на очередь; литовскій князь въ это именно время обращается къ панамъ раднымъ за совѣтомъ, какъ ему поступить въ такомъ случаѣ и какія мѣры принять, чтобы не дать Москвѣ укрѣпиться на берегахъ Днѣпра, такъ какъ при дипломатической перепискѣ Польши съ Москвой въ 1558 году оказалось, что сооруженіе крѣпости царь поручилъ князю Дмитрію Вишневецкому, перешедшему не задолго до того въ Москву. Вслѣд-

¹⁾ Неудовлетворенный королемъ Вишневецкій обратился съ той же просьбой къ московскому государю. Государь далъ ему отрядъ путявльскихъ козаковъ; съ ними Вишневецкій выдержалъ лѣтомъ 1557 г. нападеніе отъ крымскаго хана и о своей побѣдѣ извѣщаетъ царя. Въ октябрѣ 1558 г. у Вишневецкаго корму не хватило, козаки отъ него разошлись; напавшіе татары, турки и волохи заставили его уйти изъ Хортицкаго города; онъ занялъ Черкасы и Каневъ, но царь велѣлъ ихъ оставить и возвратиться въ Москву; въ слѣдующемъ году онъ былъ отправленъ съ козаками и стрѣльцами на Казань, Астрахань, Кабарду и Азовъ (Лѣтопись Нормантскаго, стр. 109, 110, 115 и 118).

ствіе этого, въ 1559 г. возникаетъ даже особая оффиціальная переписка и переговоры черезъ пословъ между обоими государствами¹⁾; козачество, какъ лице, не участвующее въ переговорахъ, въ актахъ посольства совсѣмъ даже не упоминается, хотя, конечно, оно не могло оставаться безучастнымъ зрителемъ и смотрѣть спокойно на ограниченіе своихъ вольностей; въ половинѣ XVI в. вопросъ о крѣпостяхъ сошелъ какъ-то со сцены самъ собой, и мы не знаемъ, какъ поступило бы козачество, если бы онъ былъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, но въ 1635 г., когда крѣпость Кодакъ дѣйствительно была устроена польскимъ правительствомъ и снабжена гарнизономъ, то казаки надъ предводительствомъ Сулимы тотчасъ же разорили ее. При переговорахъ 1559 года московское правительство убѣждаетъ польскаго короля, что, сооружая крѣпость, оно тѣмъ не „вступается“ въ его земли, а ограничивается лишь „береженьемъ христіанства отъ татаръ“; оно считаетъ себя въ правѣ занимать Днѣпръ, по тому что, если онъ не московскій, такъ какъ вытекаетъ изъ владѣній московскаго царя, то непременно ужь и ничей—„Божій“; изъ этихъ же переговоровъ мы узнаемъ, что тогда на Днѣпръ съ ратью былъ посланъ, вмѣсто Вишневецкаго, окольникій Данило Федоровичъ Адашевъ и съ нимъ много людей „для береженья отъ татаръ“²⁾ Московское правительство содержало сторожей не только

¹⁾ Сборникъ И. Р. И. О., т. LIX, 580 и слѣд.

²⁾ Въ 1559 г. русскіе послы на запросъ польскихъ: „толь государя вашего правда, что въ государя нашего вотчину въ Днѣпръ вступаетца и людей своихъ на Днѣпръ ставить, и вотчины черкаскіе люди его пустошатъ и рыболовей грабятъ“?—должны были отвѣтить: „государь нашъ въ королевѣ земли и воды не вступаетца ничѣмъ, и рыболовей государя нашего люди не грабятъ и вотчинъ черкасскихъ не пустошатъ ничѣмъ; а стоятъ люди государя нашего на Днѣпрѣ, берегутъ христіанство отъ татаръ, и въ томъ стоишь государя нашего на Днѣпрѣ не одинъ государя нашего людямъ оборонѣ—и королевой землѣ защита: бывалъ ли оливъ татаринъ за Днѣпръ, какъ государя нашего люди учали стоять на Днѣпрѣ? и за такую христіанскую оборону пригоже было государя нашего людей чтивти; и королевѣ козаки у государя нашего людей безпрестанно крадутъ лошади; и въ тѣхъ дѣлахъ только не учинитъ король управы, ино впередъ какъ добру быти“?—Что касается до р. Днѣпра, то русскіе послы должны были говорить польскимъ: „а будетъ о Днѣпрѣ межъ государей писма итъ, въ чьей сторонѣ, ино то онъ Божій: кто захочетъ, тотъ на немъ стоитъ; и по се время того есмь не слышали, что противъ Крыма Днѣпръ королевъ; а какъ ся видить, что Днѣпръ государя нашего, потому что течетъ изъ государя нашего земля“. На замѣчаніе польскихъ пословъ, что присутствіе Адашева на Днѣпрѣ „перемирье рушитъ“, русскіе должны были успокоить ихъ тѣмъ, что „въ Каневъ и въ Черкасы и въ иные королевѣ мѣста вступатися ему не велѣно ничѣмъ, потому какъ въ перемирныхъ грамотахъ государю нашему съ королемъ рубежъ описанъ“. (Сборникъ И. Р. И. О., т. LIX, стр. 583 и 584).

на Днѣпрѣ и въ городахъ на лѣвомъ берегу его, но также и въ правобережныхъ городахъ съ согласія польскаго короля, и дозволяло тоже дѣлать польскимъ властямъ въ своихъ владѣніяхъ; такъ, напр., въ 1551 году царь извѣщаетъ короля, что онъ приказалъ своимъ наместникамъ позволять польскимъ сторожамъ наблюдать въ порубежныхъ городахъ за движеніями татаръ и просить, въ свою очередь, охраны для московскихъ сторожей, находящихся въ Каневѣ и Черкасахъ¹⁾. Ясно отсюда, что ни польскіе короли, ни московскіе цари рѣшительно не довѣряли козакамъ въ дѣлѣ охраненія своихъ границъ и сами заботились о содержаніи собственныхъ сторожевыхъ отрядовъ. Эти-то факты подобной заботливости и были истолкованы нашими историками въ смыслѣ основанія сѣчи то однимъ правительствомъ, то другимъ. Ни Польша, ни Москва не могли положитьсь на козачество, потому что въ эту пору его интересы обособились отъ интересовъ и той и другой и, быть можетъ, даже шли въ разрѣзъ, когда козаки примирились и сближались по старинѣ съ татарами. Такой фактъ сближенія ихъ мы находимъ въ Межигорской лѣтописи даже въ сравнительно позднее время, именно подъ 1628 г.²⁾; факты противоположнаго характера слишкомъ многочисленны и извѣстны въ козацкой исторіи, и потому мы не видимъ необходимости въ примѣрѣ.

Какъ формировался козацій сторожевой отрядъ на Тавани, мы не находимъ положительныхъ указаній въ ранній періодъ существованія козачества, но въ первой половинѣ XVII в., какъ свидѣтельствуется постановленіе кievской рады 1638 г.,³⁾ существовалъ обычай, согласно которому въ пзвѣстное время отправлялось по нѣскольку человекъ отъ каждаго полка или сотни въ Запорожье, какъ „залого“, гарнизонъ, на смѣну бывшему тамъ прежде отряду; возвращавшіеся казаки назывались „отставленными“⁴⁾.

¹⁾ Сборникъ И. Р. И. О., т. LIX, стр. 354 и 361.

²⁾ Року 1628 съ Шанегирѣмъ, царемъ татарскимъ, козаки примирили; и на Запорожьѣ кочовалъ Шанегирей и съ татары своими; а другихъ послалъ у Вишневецчину на лежу, которые мели лежу у Лубняхъ, въ Пирятнаѣ, въ Прилуцѣ, въ Лохвицѣ и въ Варвѣ; а по иныхъ мѣстечкахъ и селахъ всѣхъ етацѣю брали, язъ сами хотѣли, и отошли знову тамже на Запорожье въ року 1629“. (Сборникъ лѣтописей Южной и Западной Россіи, стр. 95).

³⁾ Лѣтопись С. Величка, т. IV, стр. 275.

⁴⁾ Акты Москов. государства, т. I, стр. 345, № 327.

Вольная жизнь въ Запорожьи привлекала много охотниковъ идти въ „залогу“; „отставленные“ также очень часто не хотѣли возвращаться домой; и въ томъ и въ другомъ случаѣ приходилось самимъ, же козакамъ употреблять силу для принужденія непослушныхъ къ повиновенію. Составленный такимъ образомъ запорожскій гарнизонъ въ частномъ своемъ дѣленіи на курени могъ давать послѣднимъ названія полковъ или сотенъ, изъ которыхъ приходили жившіе въ куренѣ козаки, при чемъ названія полковъ или сотенъ замѣнялись именами ихъ атамановъ—явленіе весьма обычное въ козачествѣ (напр. Щуровы козаки, князя Дмитріевы козаки и проч.); названія куреней древнѣйшаго періода намъ неизвѣстны; быть можетъ нѣкоторыя изъ нихъ удерживались еще и въ XVIII в., а въ настоящее время вызываютъ недоумѣніе относительно ихъ происхожденія. Если запорожское козачество было только „залогомъ“ малорусскаго козачества вообще, сторожевымъ отрядомъ, который всегда, въ каждую минуту, долженъ быть готовъ къ встрѣчѣ врага или къ выступленію въ походъ, то существовавшіе въ немъ обычаи, какъ, напр., недопущеніе женщинъ въ сѣчь, и друг. становятся понятны сами собою. Эта же необходимость постоянной боевой готовности обусловила собою большую или меньшую автономію „запорожскихъ залогъ“ и огромное права кошевого атамана, не смотря на его подчиненіе власти гетмана, проживавшаго, то въ Каневѣ, то въ Черкасахъ, то въ Чигиринѣ, и бывшаго общимъ вождемъ и представителемъ малорусскаго козачества.

Такъ разрѣшается самъ собою поднятый нашими историками вопросъ о возникновеніи Запорожской сѣчи; въ свою очередь, и болѣе древніе, дошедшіе до насъ, козацкія лѣтописи совершенно умалчиваютъ о началѣ коша, какъ о событіи, покрытомъ глубокой давностью, хотя выдвигаютъ на первый планъ два другія событія, неопредѣленныя, не подтверждаемыя никакими современными имъ положительными данными, кромѣ преданія, записаннаго бытописателями болѣе поздняго времени, и потому дающія поводъ къ различнымъ недоразумѣніямъ и толкованіямъ, тѣмъ не менѣе событія, послужившія эпохой въ жизни южно-русскаго населенія; это—самое возникновеніе южно-русскаго козачества, согласно относимое всѣми лѣтописями къ началу XVI в. (1506—1516 гг.), и мнимая организація козачества, совершенная королемъ Стефаномъ Баторіемъ въ началѣ своего правленія и раздѣлившая единое козачество на регестровое и запорожское.

Остановимся на первомъ изъ этихъ событій. Сказанія лѣтописцевъ о началѣ козачества могутъ быть точно резюмированы словами польскаго хроникера Мартина Бѣльскаго: „а на ten czas (въ 1516 г.) sie doriego kozacy u nas wsczeli ¹⁾“. Русскіе лѣтописцы, относя названное событіе одни къ 1506 г. ²⁾, другіе къ 1512 ³⁾, а третьи вообще ко времени правленія Сигизмунда I ⁴⁾, прибавляютъ, что этимъ королемъ „дано вольность и землю выше и ниже пороговъ по обоихъ сторонъ Днѣпра во владѣніе вѣчное и привиліемъ королевскимъ утверждено“. Какимъ образомъ согласить теперь сообщаемыя лѣтописцами извѣстія, дошедшія до нихъ по традиціи, съ тѣми несомнѣнными фактами, которые заимствованы нами изъ дипломатической переписки Польши съ Крымомъ и Москвою и представляютъ козачество вполнѣ сформировавшимся уже въ концѣ XV в.? Не скрывается ли подъ словами лѣтописи память о какомъ-то дѣйствительно происшедшемъ переломѣ въ жизни козачества, но непонятномъ для бытописателей?—Если мы обратимъ вниманіе на жизнь Южной Руси въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка, то не можемъ пройти мимо того важнаго для нашей цѣли явленія, которое отмѣчено еще проф. В. Б. Антоновичемъ и выдѣлено имъ изъ массы разрозненныхъ фактовъ, затемненныхъ противорѣчивыми мнѣніями изслѣдователей новѣйшаго времени, это—явленія борьбы южно-русскаго населенія за свою вѣру и народность противъ наступавшаго полонизма, въ которой ясно проявилось твердое національное самосознаніе населенія; борьба велась въ теченіе столѣтій подъ предводительствомъ кіевскихъ князей Ольгердовичей, Олельковичей и Глинскихъ и въ 1508 г. окончилась торжествомъ польскаго начала; не вдаваясь въ разсмотрѣніе причинъ неудачи этой борьбы, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу, ограничимся вполнѣ справедливимъ заключеніемъ проф. Антоновича ⁵⁾, что „княжеское сословіе, очевидно, было бессильно въ этой борьбѣ: его сословныя понятія, удѣльно-федеративныя идеалы были въ то время уже анахронизмомъ; они не обнимали интересовъ всего населенія и не могли его подвинуть на борьбу за общенародное дѣло“, при этомъ

¹⁾ Хроника, стр. 534.

²⁾ Сборникъ лѣтописей Южн. и Запад. Руси, стр. I.

³⁾ Лѣтопись Самовидца, стр. 329.

⁴⁾ Лѣтопись Грабякы, стр. 21.

⁵⁾ Монографія, т. I, 244.

почтенный изслѣдователь замѣчаетъ „въ нѣдрахъ Кіевской области зародыши новыхъ общественныхъ силъ, которымъ суждено было вступить въ борьбу съ большимъ успѣхомъ въ послѣдующую эпоху¹⁾“
 Такими силами явились разъединенныя послѣ неудачной попытки 1508 г. козацкія общины, которыя, быть можетъ, сплачиваются въ эту роковую минуту и настолько рѣшительно поднимаются на свою самозащиту, что польская власть не рѣшается преслѣдовать этихъ смѣлыхъ борцовъ въ ихъ „дикомъ полѣ“ и за порогами, гдѣ козачество могло, кромѣ того, найги себѣ союзниковъ и въ татарахъ.

Намъ неизвѣстно, въ какихъ формахъ населеніе выразило въ то время свое рѣшительное намѣреніе остаться политически независимымъ, но польскій король дѣлалъ, мы думаемъ, попытку къ покоренію козачества оружіемъ и даже входилъ съ этой цѣлью въ союзъ съ татарами, что позволяетъ намъ предполагать сохранившееся въ въ Кіевской лѣтописи подъ 1519 г. извѣстіе объ этомъ²⁾; однако, попытка короля окончилась неудачей, не смотря на поражение Руси: въ своихъ степяхъ они были неуловимы ни для татаръ, ни для поляковъ. Это-то событіе—проявленіе южно-русскимъ населеніемъ горячаго стремленія къ независимости отъ власти польскихъ воеводъ и старостъ, готовность къ рѣшительной защитѣ послѣ возстанія кн. М. Глинскаго въ 1508 г. и его отдѣленіе отъ населенія, усвоившаго себѣ польскій строй и вѣрованія—и отмѣчено въ лѣтописяхъ какъ начало козачества, событіе, подобное тому, которое совершилось около 2½ столѣтій до того времени³⁾, когда общины добровольно подчинились татарамъ, отпавъ отъ княжеской власти.

Тѣмъ не менѣе однакоже, отстаивъ свою независимость, козачество, въ силу тогдашнихъ политическихъ условій, не могло совершенно отдѣлиться ни отъ остальнаго русскаго населенія, ни отъ польской власти и должно было искать въ нихъ союзника для борьбы съ татарами, усилившимися въ то время и участвовавшими свои набѣги на Южную Русь. Это были одинаковые враги и польской вла-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Roku 1519, татарze, съ поляками зрадившися, на голову нашихъ, Русь, подъ Сокаломъ поразили, а другихъ въ Бугу потопили* (Сборникъ лѣтописей Южн. и Запад. Руси, стр. 75).

³⁾ М. Сергіенко: „Громад. рух на Україні — Русі в XIII віці (Записки товариства имени Шевченка, т. I).

сти и русскаго населенія, и необходимость общихъ дѣйствій противъ нихъ сближала и ту и другое; польскіе старосты южно-русскихъ городовъ, какъ мы выше сказали, соединяются съ козаками, становятся во главѣ ихъ общинъ, разрозненныхъ еще въ ту эпоху. и удвоенными такимъ образомъ силами отражаютъ татаръ, и это обстоятельство даетъ поводъ позднѣйшимъ лѣтописцамъ называть такихъ временныхъ предводителей козацкими гетманами и даже устанавливать между ними преемство, не смотря на то, что многіе изъ нихъ были современны другъ другу. Однако, болѣе тѣсному сближенію козаковъ съ южнорусскими старостами препятствовало постоянное стремленіе послѣднихъ къ расширенію правъ своихъ и распространеніе ими на свободное населеніе своей власти, выражавшейся въ требованіи все большихъ повинностей и платежей; отсюда возникаетъ рядъ жалобъ и тяжбъ между тѣми и другими, оканчивавшихся, какъ и слѣдовало ожидать, въ пользу представителей королевской власти; такія жалобы и тяжбы начинаются еще съ первыхъ годовъ управленія Евстафія Дашковича ¹⁾ и продолжаются при его преемникахъ съ небольшими лишь перерывами; все это приводило къ частымъ кровавымъ расчетамъ. Польское правительство, въ свою очередь, нуждаясь въ услугахъ козаковъ, льготами и выгодами обезпеченія за ними ихъ земельныхъ правъ старалось привлечь ихъ на свою сторону; и эти старанія не оставались напрасными: большинство населенія искало спокойнаго пользованія своимъ имуществомъ. болѣе эгоистическіе элементы козачества тяготѣли къ Польшѣ; это и было началомъ въ жизни южно-русскаго населенія другого важнаго событія, на которое обратили свое вниманіе козацкіе дѣеписатели и отмѣтили его, какъ организацію будто-бы козачества, произведенную въ концѣ XVI в. королемъ Стефаномъ Баторіемъ, который, обязавъ ихъ военной службой, самъ „козакомъ опредѣлилъ гетмана и старшину учредилъ межи ними“, и „платилъ всякому козаку по червонцу и кожухъ“, и „далъ гетману булаву, корогву, бунчукъ и печать съ гербомъ войска Запорожскаго“; для приведенія въ извѣстность количества козаковъ, получавшихъ червонцы и кожухи, составлены были регестры, положившіе начало регестровому козачеству. Фактъ этотъ, совершавшійся постепеннымъ и мирнымъ

¹⁾ Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. 2-й, № XVII, стр. 366

путемъ, болѣе или менѣе уже разъяснился, благодаря изданію въ настоящее время весьма многихъ актовъ, относящихся до козачества, и ошибочность лѣтописныхъ извѣстій становится очевидной. Самая ранняя, какая только до сихъ поръ намъ извѣстна, попытка обратить козачество на службу Рѣчи-посполитой дѣлается не Стефаномъ Баторіемъ, а полустолѣтіемъ раньше него, еще Сигизмундомъ I ¹⁾ и быть можетъ, по указанію черкаскаго старосты Евстафія Дашковича, послѣ неудавшейся попытки покоренія козаковъ силой, указанію, сдѣланному имъ на городенскомъ сеймѣ въ 1522 году. Король принялъ этотъ совѣтъ и въ 1524 году предписываетъ панамъ раднымъ обсудить поставленный Дашковичемъ вопросъ, найти „годнаго и добраго человѣка“, отправить его въ Кіевъ для сбора козаковъ, приготовить для вознагражденія послѣднихъ сукно и деньги и расположить отряды ихъ по Днѣпру на перевозахъ для предупрежденія татарскихъ набѣговъ ²⁾; при этомъ король даетъ совѣтъ имѣть постоянный наем-

¹⁾ Такъ въ 1506 г. онъ даетъ жалованную грамоту козакамъ на ихъ территорію, а сеймъ въ 1511 подтверждаетъ ее (Сборникъ лѣтописей, 1.—В. Б. Антоновичъ: „Исслѣдованіе о козачествѣ по актамъ 1500—1648 г. г.“) Указаніе лѣтописи на 1506 г. мы считаемъ ошибочнымъ: дата привиллегіи записана по памяти, потому что подлинникъ ея былъ утраченъ къ тому времени, когда писалась эта лѣтопись; важно лишь то, что дата близка къ перевороту въ козачествѣ, совершившемуся въ 1508 г.; быть можетъ грамота даже дана въ 1516 г., къ которому другія лѣтописи относятъ начало козачества.

²⁾ Король, упоминая о томъ, что онъ ранѣе уже поручалъ радѣ, державцѣ рѣчичскому Семену Полозовичу и н. Криштофу Кмитичу, „сбравши козаковъ, на низъ Днѣпроу на службу вашу пойти“ и что порученіе это радю не было исполнено, говоритъ далѣе: „вно тыми рази писали къ намъ панъ Семень Полозовичъ и панъ Криштофъ, повѣдаючи, иж они, яко слуги наши добрые и вѣрны сбравши малый почотъ козаковъ, предся тымъ на низъ Днѣпроу до Кіева и далѣй до Таваня на службу нашу ходили и, тамъ будучи, послуги намъ не мало свое вчинили: тыхъ людей неприятелей всѣхъ татаръ, которыи въ панствѣ нашомъ были, тыждень черезъ Днѣпръ не пропустили, ино каждый день зъ ними битву мѣвали и много дей ихъ вбили, а иныи дей сами тонули. Кгдыжъ они съ тымъ малымъ почотомъ людей таковыи послуги намъ, господарю, чинили, мы на то бачымы, кгда бы тамъ тысяча або двѣ людей нашихъ козаковъ на Днѣпрѣ мѣшкали, снатъ бы и овшемъ была отъ нихъ большая и знаменитая послуга и оборона панствомъ нашимъ. А такъ и о то жедамы ваше милости, радъ нашихъ, рачте о томъ радити и мыслити. И видѣлося бы ваше милости тамъ по Днѣпру козаковъ мѣти на пришлое лѣто для осторожности и обороны панствомъ нашимъ, и ваша милость рачте обрати зъ дворянъ нашихъ которого годнаго и добраго человѣка и казали бы ему скоро по Велицѣ—дни до Кіева ѣхати и козаковъ збирати, и казали бы ваша милость къ тому часу суконъ и пѣнззей на нихъ колко соизъ конь послати, а тии козаки по Днѣпру на перевозѣхъ разложить, абы намъ и Рѣчи-посполитое земской служили и тыхъ перевозовъ стерегли и боронили, колко имъ Богъ милый поможетъ“.

(Настоящій документъ сообщенъ намъ проф. С. А. Бершадскимъ, которому и выражаемъ искреннюю благодарность).

ный отрядъ козаковъ въ одну или двѣ тысячи, совѣтъ, имѣвшій можетъ быть нѣкоторый успѣхъ, потому что въ 1540 году король посылаетъ уже своего дворянина Стрета Солтовича, которому приказываетъ переписать въ регестръ не только однихъ кievскихъ козаковъ и доставить таковой ему, упрекаетъ кievскаго подвоеводу князя Коширскаго за потворство ради своихъ выгодъ своеволю козаковъ и грозитъ, при повтореніи ихъ нападеній на татарскіе улусы, взыскать всѣ убытки съ имѣній князя ¹⁾. Тѣ же мѣры употребляетъ и Сигизмундъ-Августъ по отношенію къ козакамъ; съ одной стороны, въ 1568 г., приказываетъ имъ уйти съ низовьевъ Днѣпра и „не чинить шкоды и лупезства чабаномъ царя турецкаго и татаромъ царя перекопскаго“, съ другой, старается привлечь ихъ на службу королевству: „ведже при замцехъ нашихъ знайдется вамъ служба наша, за которую жалованье кождый зъ васъ одержитъ“ ²⁾; результаты принятыхъ королемъ мѣръ были уже настолько прочны, сравнительно съ предшествующимъ царствованіемъ, что онъ въ 1572 г., произведя исчисленіе козаковъ и ограничивъ ихъ количество, не только подчиняетъ ихъ начальству короннаго гетмана, но ставитъ надъ ними еще „судью“, быть можетъ для устраненія раздоровъ среди козачества; такимъ судьей былъ какой-то Янъ Бадовскій ³⁾; этотъ моментъ и долженъ быть признанъ временемъ окончательнаго образованія регестроваго козачества. Что касается до отношенія къ нему же Стефана Баторія, этого мнимаго организатора козачества, то при немъ неизмѣнно продолжался установленный его предшественниками характеръ отношеній; онъ также, съ одной стороны, даетъ козакамъ, ради привлеченія ихъ на свою службу, жалованную грамоту, въ которой будто бы излагалась эта мнимая организація, а въ дѣйствительности только укрѣплялась за ними та широкая территорія, которую они занимали испоконъ вѣка и на которой грамота отмѣчаетъ, между прочимъ, существованіе мѣстечекъ, сель и хуторовъ съ ихъ землями и угодьями, находившимися во владѣніи и пользованіи козаковъ; онъ также обращается къ „запорожскимъ молодцамъ“, убѣждая ихъ не вмѣшиваться въ дѣла валашскія

¹⁾ Акты Южн. и Запѣд. Рос., т. I, стр. 110.

²⁾ Архивъ Юго-Запад. Рос., ч. III, т. I, стр. 4—6

³⁾ Ак. Ю. и З. Р., II, 176.

и татарскія, не поддерживать претендентовъ на престолъ у первыхъ и не грабить вторыхъ; съ другой стороны, король предписываетъ кн. Константину Острожскому¹⁾ и украиннымъ, особенно черкасскому, старостамъ разогнать это скопище разбойниковъ, не давать ему поддержки и не снабжать боевыми припасами; подобно своему предшественнику, Стефанъ Баторій назначаетъ запорожскимъ гетманомъ Яна Оришевскаго²⁾, котораго впоследствии король Сигизмундъ III, въ 1590 г., посылаетъ съ горнизономъ въ 1000 чел. въ Кременчугъ и велитъ ему тамъ заложить крѣпость для удержанія козаковъ отъ нападений на татаръ³⁾. Отсюда мы видимъ, что одно время козачество какъ бы добровольно подчиняется королевской власти, а вслѣдъ затѣмъ сбрасываетъ съ себя эту власть и является опять свободнымъ борющимся за сохраненіе своей національности и отцовской вѣры.

Это добровольное подчиненіе козачества польской власти совершается, какъ мы видѣли, весьма постепенно, безъ кровавой борьбы, въ теченіе первой половины XVI в. и въ третьей четверти его какъ бы завершается; но въ послѣдующее затѣмъ время въ послѣдніе годы этого столѣтія оно вызываетъ сильную реакцію, сопровождающуюся войнами и договорами поляковъ съ козаками, какъ равныхъ съ равными, или, точнѣе, сюзерена съ непокорнымъ вассаломъ. Такое колебаніе козачества отъ подчиненія къ независимости указываетъ на дѣйствіе среди него какихъ-то внутреннихъ силъ, преведшихъ его во второй половинѣ XVI в. къ перевороту въ политической жизни, независимость которой оно отстояло въ самомъ началѣ столѣтія, послѣ окончательнаго паденія Кіевскаго княжества, а въ концѣ столѣтія снова вынуждено было защищать ее. Для уясненія себѣ этихъ силъ обратимся къ внутренней жизни козачества и рассмотримъ тѣ стороны ея, которыя должны были оказать вліяніе и даже вызвать тяготѣніе козачества къ Польшѣ въ началѣ и борьбу съ ней въ концѣ XVI в.; такими сторонами мы считаемъ широко развитшееся землевладѣніе и мѣстную общественную автономію. Рассмотримъ первую изъ нихъ.

Мы отмѣтили уже выше раннее развитіе среди козачества занятія земледѣліемъ, рыбной ловлей, охотой, лѣснымъ хозяйствомъ; позже,

¹⁾ Матеріалы для исторіи возсоднненія Русь, т. I, 1—16.

²⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. I, 255.

³⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. III, т. I, 28—30.

въ половинѣ XVI в., этотъ фактъ подтверждаютъ и королев. люстрація староствъ; козаки занимаются промыслами весною и лѣтомъ по такъ называемымъ „уходамъ, або станамъ“, которые всѣ располагаются по лѣсамъ, рѣкамъ и полямъ и тянутся до самыхъ татарскихъ поселеній; крайними являются уходы по Ворсклѣ, Орели, Самарѣ, обоихъ Ингулахъ, по Днѣпровскимъ порогамъ и даже на Тавани ¹⁾).

Работая изъ года въ годъ на однихъ и тѣхъ же „уходахъ“, козацкія семьи мало по малу освоили ихъ, оставались жить на мѣстахъ промысловъ постоянно, и люстраторы XVI в. отмѣчаютъ этотъ фактъ, какъ явленіе обыденное, замѣчая, что козаки по уходамъ живутъ „установичне“, ²⁾, причиняя этимъ „переказу“ ³⁾ частнымъ владѣльцамъ и старостамъ; въ этомъ отношеніи особенно любопытна грамота короля Сигизмунда-Августа, отъ 20 декабря 1568 г. ⁴⁾, которая и была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что постоянное пребываніе козаковъ „на низу, на Днѣпре, въ поле и на иныхъ входѣхъ“ влечетъ за собою ихъ столкновеніе съ татарами, у которыхъ они угоняютъ стада и табуны, а это нарушаетъ миръ, приводитъ къ татарскимъ набѣгамъ и даже къ войнѣ съ Турціей.

Мѣщане и бояре уже въ люстраціяхъ XVI в. именуется „отчи-чани“ своихъ уходовъ, т. е. потомственными владѣльцами ⁵⁾; но такъ какъ боярское и мѣщанское сословія того времени не были рѣзко разграничены отъ козацкаго и взаимный переходъ отъ одного въ другому допускался совершенно свободно ⁶⁾, то и земли боярскіе и мѣщанскіе становятся козацкими, и козаки являются ихъ наследственными владѣльцами; какъ частная собственность эти уходы продаются и завѣщаются, даже съ людьми на нихъ живущими; напр. „уходъ на Тясмени, на имя Радивононской, боярина черкаскаго Зуб-

¹⁾ Арх. Ю. З. Рос., ч. VII, т. I, стр. 84.

²⁾ Ibid., 103.

³⁾ Люстраторы, скажемъ ужь кстати, отмѣчаютъ, что „переказу“ въ пользованіи уходами дѣлаютъ также и „коначи“, археологи XVI в., которые, по городищамъ и селищамъ онымъ ходячи, могилы раскапываютъ, ищучи тамъ оброчей и перстней, моци погребенныхъ выкапываютъ на помсту за то живымъ и невиннымъ“ (Арх., ч. VII, т. I, 103).

⁴⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. III, т. I, 4—5.

⁵⁾ Ibid., ч. VII, т. I, 102.

⁶⁾ М. Н. Александровичъ, Остерскій уѣздъ. Вып. 1-й Историч. описаніе. Часть 1-я, стр. 109: бояре и мѣщане остерскіе становятся козаками, въ тоже время они наследственные владѣльцы земли.

рикова“ купленъ у князя Путивлскаго ¹⁾; въ приложеніи мы сообщаемъ (№ I, 1—5) „тестаментъ Ивана Лисиченка на Бузуково, подъ Черкасы, въ пользу Кіево-Печерской лавры“, подтвержденіе этого тестаментъ гетманами Григоріемъ Чернымъ въ 1630 г. и Богданомъ Хмельницкимъ въ 1650 г. вслѣдствіе оспариванія хутора козаками; о правѣ промысловъ въ уходахъ по Днѣпру отъ р. Быстрика по Ердань Кіево-Пустынно-Николаевскій монастырь ведетъ тяжбу въ 1544 году передъ черкасскимъ старостою Оникіемъ Горностаемъ съ мѣщанами и козаками г. Черкасъ ²⁾.

Нарушеніе со стороны казаковъ права этого же монастыря на владѣніе землей Савной (при устьѣ р. Роси) запрещаетъ гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный въ своемъ приказѣ отъ 13 мая 1619 г. ³⁾ Случались взаимныя тяжбы и между самими козаками, такъ, напр., въ 1617 г. гетманъ Дмитрій Богдановичъ Барабашъ предписываетъ козакамъ не захватывать и не отнимать земель у козака Гаврилы Колушкевича, который владѣетъ ими какъ „отцовщиной“ ⁴⁾. Въ перечисленныхъ примѣрахъ тяжбъ и споровъ отдѣльныхъ владѣльцевъ (монастырей и казаковъ) съ козацкими общинами мы видимъ борьбу двухъ правъ на землю: общиннаго, опирающагося на обычай, преданіе и отстаиваемаго козаками и мѣщанами, завладѣвающими спорными землями, и частнаго, выдѣливающагося изъ общиннаго, укрѣпленнаго уже юридическими актами и потому поддерживаемаго властью. Позже частное владѣніе землей все болѣе развивается и къ концу XVI вѣка мы имѣемъ уже если и не многочисленныя доказательства его, то все-таки настолько точныя и опредѣленныя, что они не оставляютъ мѣста для сомнѣнія. Такъ, мы имѣемъ жалованную грамоту короля Сигизмунда-Августа Емельяну Ивановичу ⁵⁾, отъ 4 октября 1571 г., называемому въ документѣ то родовитымъ земляниномъ, то козакамъ низовымъ; король жалуетъ ему „входную“ землю „Сиверу“ по р. Ворсклѣ, съ правомъ передачи этой земли наслѣдникамъ—дочери, если не будетъ сыновей ⁶⁾. Весьма любопытна судьба

¹⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. I, 86.

²⁾ Акты Запад. Россіи, т. II, 188 и 402.

³⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. III, т. I, 253.

⁴⁾ Кіев. Стар. за май 1883 г., 145.

⁵⁾ Си. Прилож. № II.

⁶⁾ Настоящую грамоту подтверждаетъ также и король Генрихъ въ 1574 г.—Документъ этотъ сообщенъ намъ М. С. Грушевскимъ, которому приносимъ сердечную благодарность.

наслѣдниковъ этого козака-землевладѣльца; въ январѣ 1646 г. дв. Станиславъ Гурскій, игнорируя совершенно вышеозначенныя грамоты Ивановичу, занесъ въ житомирскій гродскій судъ жалобу на наслѣдниковъ Емельяна Ивановича: Емельяна Кроновича и Радка Василевича о томъ, что они, будучи, „простыми хлопами“, осмѣливаются именовать себя шляхтой и „дѣдичами“ земли Сиверы и позволили себѣ уступить эту землю по фальшивой записи сыну брацлавскаго воеводы Станиславу Потоцкому во вредъ и убытокъ жалобщику, какъ законному потомственному владѣльцу земли, которую онъ, жалобщикъ, продалъ кievскому коморнику Юрію Немиричу¹⁾. Чѣмъ дѣло окончилось намъ неизвѣстно; если Гурскій и не выигралъ его, то развѣ только благодаря тому, что эта земля перешла уже къ Потоцкому²⁾, тяжба съ которымъ была не легка. Для насъ акты Ивановича важны въ томъ отношеніи, что, во 1-хъ, они подтверждаютъ жалобы на польскихъ старостъ, изложенныя и въ письмахъ Сагайдачнаго и въ уливерсалѣ Стефана Остринина и, во 2-хъ, здѣсь повторяется съ полнымъ сходствомъ все, происходившее позже на правомъ берегу Днѣпра въ Субботовѣ между Хмельницкимъ и Чаплинскимъ: и непризнаніе личныхъ дворянскихъ правъ козаковъ, и игнорированіе ихъ грамотъ на землевладѣніе, и захватъ козацкихъ имѣній, и всякія насилія. Какъ многочисленны были такіе факты, показываютъ событія 1638 г., когда козаки задумали-было возвратить себѣ „добра дѣдичныя“; распространившійся объ этомъ слухъ дошелъ до коронаго гетмана; послѣдній встревожившись посылаетъ къ нимъ дв. Трояна Голубковскаго съ убѣжденіемъ, что это было бы противно всѣмъ прежнимъ договорамъ (Величко, IV, 271). Такими же землянами—козаками и шляхтичами являються землевладѣльцы Любецкаго староства Назаръ Тарасовичъ, Милко Бывальковичъ, Демидъ Карповичъ, Данило Глѣбовичъ Пероцкій. Богданъ Жоглинъ, Остапъ

¹⁾ Арх. Ю. З. Россія, ч. VI, т. 1, 543—545.

²⁾ Что упоминаемый выше Емельянъ Ивановичъ былъ въ свое время весьма значительнымъ лицомъ въ козацкой и даже польской общественной іерархіи, показываетъ пайденный нами въ кievской гродской книгѣ подъ 9/11 ноября 1793 года древній документъ, въ которомъ является и Емельянъ Ивановичъ и претендовавшій на его имѣніи дв. Станиславъ Гурскій; документъ этотъ есть жалованная грамота короля Владислава IV п. Гурскому на Кагорлицкое староство, оставшееся послѣ (неизвѣстно, когда умершаго) какого-то Емельяна Ивановича и Ивана Чегала (въ 1637 г.) См. кн. Кіев. центр. арх. № 128, л. 693, аеть 777.

Юрковичъ, Федько Антоновичъ, Скугарь Логвиновичъ, Богданъ и Лашко Репчичи и друг. ¹⁾); нѣкоторые изъ этихъ семей и впоследствии мы встрѣчаемъ въ козацкихъ рядахъ, тогда какъ другія или перешли на сторону польскаго шляхетства или снизошли въ сословіе крестьянъ; въ половинѣ XVI в. всѣ они являются землевладѣльцами и просятъ польскихъ королей сначала Сигизмунда-Августа, а позже Стефана Баторія объ укрѣпленіи за ними ихъ „отчины“, которую они „з давныхъ часовъ уживаютъ“, съ пахотными полями, сѣнокосами, рыбными ловлями, бобровыми гонами и друг. доходами. Болѣе важными для доказательства факта козацкаго землевладѣнія на далекомъ югѣ вольныхъ степей мы считаемъ документы рода Волевачей ²⁾: 1) духовное завѣщаніе 1600 г. козака Тишка Волевача на свое движимое и недвижимое имущество въ южной части козацкихъ владѣній по Днѣпру; 2) запись о продажѣ козакомъ Максимомъ Михайловичемъ Плоскаго лѣса значковому товарищу Ивану Волевачу въ 1615 г. и 3) запись о продажѣ вдовой козачкой Ѳедорой Андреевой своей пасѣки по р. Ингульцу обозному Запорожскаго войска Ивану Волевачу около 1630 года.

Три послѣдніе документа свидѣтельствуютъ также и о способѣ развитія крупнаго землевладѣнія среди козаковъ: они пріобрѣтали земли путемъ покупки. Такъ, напр.: Тишко Волевачъ, въ 1600 году, владѣлъ почти всѣмъ теченіемъ р. Чутки ³⁾ съ пахотными полями, сѣнокосами и пасѣками; пасѣкой въ Мотронинѣ; лѣсомъ надъ Еничемъ съ пахотными полями и сѣнокосами; хуторомъ на Березовкѣ; восемью Волевачевскими байраками съ пахотными полями и сѣнокосами по обѣимъ сторонамъ р. Цыбульника; пахотными полями и сѣнокосами у Колонтаева и по р. Чуткѣ; наконецъ пахотными полями и сѣнокосами отъ Грузкой балки до пороговъ. Козакъ Максимъ Михайловичъ владѣлъ Плоскимъ лѣсомъ, верхомъ р. Цыбульника, р. Говнянкой, Ингульцемъ отъ устья Говнянки до устья Макаровка, со всѣми по этимъ рѣкамъ сѣнокосами, пахотными полями, пасѣками, рыбными ловлями и проч. угодьями. Козачкѣ Ѳедорѣ Андреевой принадлежали байраки по р. Макаровкѣ и Ингульцу съ хуторами, пасѣками, сѣнокосами и пахотными полями. Земли двухъ послѣднихъ

¹⁾ См. Прилож. № IX.

²⁾ См. Прилож. № III.

³⁾ Т. е. землями въ сѣверо-зап. части Александр. уѣзда Херсонской губ.

владѣльцевъ скушилъ козакъ Иванъ Волевачъ, занимавшій одно изъ важныхъ мѣстъ въ войскѣ, именно, обознаго войска Запорожскаго. Факты землевладѣнія въ XVII в. еще болѣе многочисленны; напр., козакъ Григорій Фуртникъ вмѣстѣ съ женой своей продаютъ въ 1649 году свой сѣнокосъ по р. Роси противъ Каменицы козаку же Конону Мазнюченку ¹⁾. Въ 1650 г. переселяющійся изъ с. Черницы на Украину запорож. козакъ Иванъ Водяникъ ведетъ за собой лошадей, рогатый скотъ, везетъ одежды, деньги и проч. имущество, которое у него было заграблено, а приобрѣтено, если не земледѣлемъ, то промыслами; заграбленное по ошибкѣ въ м. Вильскѣ имущество козака признается его собственностью и возвращается обратно ²⁾. Въ 1653 г. возакъ Супрунъ Ступиченко продаетъ своему брату Кирику часть мельницы на р. Роси ³⁾; въ 1655 г. козаки Василій Куликъ съ друг. его совладѣльцами продали половину своего наслѣдственнаго става въ с. Харьковцахъ ⁴⁾ „урожаюному“ козаку Якову Пекулицкому. Въ завѣщаніи Тишка Валевица 1600 г. упоминаютъ еще о какомъ-то „Супрунѣ, що Безнеску держить“ Между актами по исторіи крестьянскаго землевладѣнія, собранными В. Б. Антоновичемъ ⁵⁾, встрѣчается одна купчая крѣпость о продажѣ козакомъ Иваномъ Олещенкомъ своего байрака козаку же Василю Коробкѣ. Правда, запись относится къ 1660 г., но упоминаемая въ ней земля называется „отцовской“ и объ ея покупкѣ извѣстно будто бы старому козаку Федору Коробкѣ, котораго мы встрѣчаемъ дѣйствующимъ еще въ эпоху Богдана Хмельницкаго.

Въ 1516 году козакъ Дмитръ Базановичъ въ Звенигородскомъ староствѣ является владѣльцемъ двухъ селъ: Мытковцевъ и Соколовъ, на которыя права его подтверждаются королевской грамотой ⁶⁾. Многіе изъ лицъ, игравшихъ видную роль въ козацкой исторіи, являются въ актахъ и какъ землевладѣльцы; такъ, мы находимъ упоминаніе о гетманѣ Григоріи Лободѣ, купившемъ будто бы с. Сошники у кievскаго подчашаго Лаврина Лозки въ 1600 году ⁷⁾. На югѣ Бра-

¹⁾ См. Прилож. № V.

²⁾ См. Прилож. № VI.

³⁾ См. Прилож. № VII.

⁴⁾ См. Прилож. № VIII; с. Харьковцы—Пирятин. у. Полтав. губ.

⁵⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. 2-й, стр. 244 и 245.

⁶⁾ Арх. Ю.-З. Р. VII, т. I, 185 и слѣд.

⁷⁾ См. Прилож. № IV.

плавщины въ 1583 г. владѣютъ обширными имѣніями братья земляне Андрей и Иванъ Кошки, къ семьѣ которыхъ могъ принадлежать и извѣстный гетманъ Самуиль Кошка ¹⁾). О Криштофѣ Косинскомъ, какъ владѣльцѣ м. Рокитнаго, упоминается въ люстраціи королевскихъ староствъ въ 1765 г. ²⁾, со ссылкой на сеймовую конституцію 1590 года ³⁾. Разорившій въ 1635 г. польскую крѣпость Кодакъ Иванъ Сулима также владѣлъ обширнымъ имѣніемъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра ⁴⁾, а его предокъ Георгій Сулима въ 1577 занималъ должность каменецкаго мечника ⁵⁾; владѣнія рода Сулимъ находились и на Волини въ Кременецкомъ повѣтѣ ⁶⁾. Всѣ эти лица, считая себя козаками, владѣли ⁷⁾ имѣніями въ той части южно-русскихъ воеводствъ, гдѣ съ XVI вѣка начинаетъ развиваться и крѣпостное право; такъ на это положительно указываетъ искъ благородн. козака Богдана Звенигородскаго, предъявленный имъ къ п. Бѣлозору о двухъ крестьянахъ въ 1568 г. въ барскомъ замковомъ судѣ ⁸⁾. Въ описаніи Днѣпра, составленномъ въ 1697 г., упоминаются урочище, перевозъ и плавни Барабаша и луга съ пристанью Сагайдачнаго (Лѣтоп. Сам. Величка, т. III, 474 и 482). Урочища съ именемъ Сагайдачнаго встрѣчаются еще на лѣвомъ берегу Днѣпра выше остр. Хортицы (Кіев. Стар. за 1894, май, стр. 266, въ статьѣ г. Падалки). Къ числу крупныхъ землевладѣльцевъ должно, намъ кажется, отнести и чигиринскаго сотника, впоследствии гетмана, Богдана Хмельницкаго; въ 1650 г. король даетъ ему жалованную грамоту и подтверждаетъ прежнія права его на имѣнія, которыми онъ владѣлъ до начала войнъ, именно: на хуторъ Субботовъ, а также „на добра, въ воеводствѣ Кіевскомъ за Чигириномъ отъ поль дикихъ лежачіе“; границы его „добръ“ были опредѣлены въ грамотѣ 1652 г. такъ: „отъ пасеки Хмельницкаго некогда

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 610.

²⁾ Кв. Кіев. центр. арх. № 76, л. 635.

³⁾ См. о ней Vol. leg., I—II, стр. 318.

⁴⁾ А. Лазаревскій, Сулимовскій Архивъ, стр. 9 и 22.—Архив. отрывки, 41.

⁵⁾ Кв. Кіев. центр. арх. № 3604, л. 26 об., 62 и 237 об.

⁶⁾ Въ собраніи документовъ для исторіи монастырей Полтавской епархіи (Арх. отр., вып. 1-й Полтава 1887 г.) мы находимъ нѣсколько документовъ показывающихъ землевладѣніе козаковъ на лѣвомъ берегу Днѣпра до эпохи Хмельницкаго.

⁷⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VIII, т. I, 222.

⁸⁾ Акты Ю. и З. Р., т. X, стр. 468.

старого, черезъ Ингулецъ и Черный лѣсъ до устья рѣчки Бержи ¹⁾, и къ байракамъ, а съ другой стороны отъ устья рѣчки Каменки къ рѣчкѣ Каменкѣ, въ Ингуль впадающей“. Пасѣка Богдана Хмельницкаго, по дошедшему до нашего времени преданію ²⁾, находилась въ Лебединскомъ лѣсу, а изъ цитированной выше грамоты оказывается принадлежать еще отцу или дѣду Богдана; такимъ образомъ, пространство отъ Лебедина до Субботова на сѣверѣ, до устья р. Каменки, впадающей въ Ингуль, на югѣ, составляло наследственную собственность гетмана; вотчиной Хмельницкаго называются Субботово и Новоселки также и въ жалованной ему грамотѣ, данной царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1654 г., тогда какъ мѣстечко Медвѣдовка и села Каменка и Борки признаются маенностями Хмельницкаго, пожалованными польскими королями; объ этихъ послѣднихъ не говорится, чтобы они были наследственными, да и грамота на нихъ дана была отдѣльная, тогда какъ на всѣ вотчины одна общая.

Кромѣ перечисленныхъ болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, владѣнія которыхъ точно опредѣляются въ прилагаемыхъ актахъ, существовало еще больше мелкихъ, извѣстія о которыхъ разбросаны во множествѣ документовъ, изданныхъ раньше; мы не будемъ приводить ихъ, находя сказанное выше достаточнымъ для доказательства того, что въ козачествѣ владѣніе землей было широко и весьма распространено, и на собственно козацкой территоріи въ глубинѣ степей, и на лѣвомъ берегу Днѣпра, и въ южной части Кіевскаго повѣта; на основаніи этихъ актовъ мы можемъ также наблюдать, какъ частное землевладѣніе постепенно развивалось изъ присвоенія себѣ отдѣльными лицами составлявшихъ общую собственность такъ наз. „уходовъ“, въ которыхъ они занимались долгое время промыслами или земледѣліемъ: давность фактическаго пользованія и владѣнія землей, „становъ“, „уходомъ“, укрѣпляла и право распоряженія имъ, т. е. образовывала право полной частной собственности. Это право еще въ первой половинѣ XVI в. подтверждается королевскими жалованными грамотами; такъ мы видѣли право было подтверждено Емельяну Ивановичу на „входную землю Сиверу“, Дмитру Базановичу и друг. на ихъ отцовщину и дѣдовщину; но оно только подтверждается, какъ фактъ,

¹⁾ Эта рѣка по указу 1752 г. „состоитъ въ новосербскомъ козацкомъ и слободскомъ поселеніяхъ“ (Эварницкій, „Вольности запорож. козаковъ“, стр. 15).

²⁾ См. замѣтку О. И. Левицкаго въ „Кіев. Стар“ за 1885 г.

существовавшей издавна, санкционируется лишь, а не создается вновь. Но если королевская власть закрепляет право собственности за отдельными владѣльцами на земли уже въ первой половинѣ XVI в., то случаи присвоенія земли и перехода ея отъ предковъ къ потомкамъ должны были начаться гораздо раньше, это позволяютъ думать слѣдующія данныя: въ завѣщаніи козака Тишка Волевача, который, умирая въ 1600 г. и оставляя уже взрослыхъ совершеннолѣтнихъ сыновей, женатыхъ, былъ необходимо, если и неглубокимъ, то все-таки старикомъ, заканчивавшимъ свой вѣкъ, въ завѣщаніи его, повторяю, сказано, что передаваемыя имъ въ наслѣдство земли пріобрѣтены покупкой еще дѣдомъ его Яковомъ отъ козака Ивана Безмолвнаго и что на эту покупку у него сохранилась записъ. Когда же могла совершиться покупка земли Яковомъ Волевачемъ? Если мы пріймемъ во вниманіе старость завѣщателя Тишка Волевача и несомнѣнно полное совершеннолѣтіе, если также не старость, его дѣда Якова въ моментъ покупки, то едва ли ошибемся, считая отъ времени покупки Якова Волевача до времени завѣщанія его внука Тишка три поколѣнія, что составитъ, предполагая на каждое поколѣніе по 40 лѣтъ, или около 120 лѣтъ; отсюда слѣдуетъ, что козакъ Яковъ Волевачъ могъ купить землю у козака Ивана Безмолвнаго въ концѣ XV в., т. е. около 1480 г., когда самое козачество является уже, какъ мы видѣли выше съ вполне опредѣлившимся характеромъ; онъ же купилъ тогда, какъ видно изъ завѣщанія, пасѣку въ Мотронинѣ, лѣсъ надъ Еничемъ съ подлѣсьемъ, съ пахотными и сѣнокосными полями; о другихъ земляхъ завѣщатель говоритъ вообще, что они его предкомъ „здавна за гроши набыты“. На тотъ же фактъ ранняго развитія и крупнаго и мелкаго землевладѣнія среди барской околичной шляхты въ весьма раннюю эпоху указываетъ и М. С. Грушевскій въ своемъ сочиненіи о немъ¹⁾, а г. Ойрсовъ высказалъ весьма основательное мнѣніе, что крупное землевладѣніе обусловливало и преобладаніе бояръ въ Галицко-Волинской землѣ въ эпоху княжеской власти надъ ней²⁾.

Если такимъ образомъ раннее развитіе козацкаго землевладѣнія, вслѣдствіе вышеприведенныхъ соображеній, не даетъ повода къ

¹⁾ „Барское староство“, Кіевъ. 1894 г., стр. 69 и слѣд.

²⁾ Учен. Зап. Казан. у-та за 1892 г., кн. 1, стр. 124.

сомнѣнію въ этомъ фактѣ, то широкое територіальное его распространеніе не можетъ быть доказано прямо за отсутствіемъ какихъ-либо переписей, регестровъ или люстрицій тѣхъ южныхъ окраинъ, которые заняты были козаками; тѣмъ не менѣе однакоже, оно можетъ быть подтверждено нѣкоторыми побочными обстоятельствами, необходимо сопровождающими всякій вообще фактъ землевладѣнія, именно, полнымъ и совершеннымъ развитіемъ понятія о правѣ частной собственности на землю, выражающагося въ самомъ фактѣ владѣнія, пользованія и распоряженія ею, на что указываютъ формы и содержаніе сохранившихся актовъ: никакого указанія при этомъ на права общины въ записяхъ частныхъ лицъ, никакого ограниченія въ правѣ распоряженія (даже въ паслѣдованіи дочерей) въ королевскихъ грамотахъ даже на „входныя земли“ мы не находимъ.

Другимъ не менѣе прочнымъ доказательствомъ широты распространенія землевладѣнія служитъ также и цѣнность земли въ козацкихъ владѣніяхъ. Возьмемъ для примѣра документы болѣе ранніе и относящіеся къ болѣе южной части Поднѣпровья: козакъ Максимъ Михайловичъ продалъ Волевачу свой лѣсъ, пахотныя поля, сѣнокосы, рыбныя ловли, пасѣку и проч. угодыя, расположенныя по р. Цыбульнику, впадающей въ р. Ингулецъ, за 2000 копъ литовскихъ грошей, а козачка Ѳедора Андреева продала свою пасѣку по р.р. Ингульцу и Макаровка также со всѣми угодыями и пахотными полями тому же Волевачу за 500 копъ литовскихъ грошей. Если теперь вышеприведенныя цѣны сравнимъ съ цѣнами на земли въ густо-населенныхъ частяхъ Кіевского и Волинскаго воеводствъ, то замѣтимъ, что послѣдніе были почти не выше первыхъ. Такъ, напр., въ записяхъ о продажѣ имѣній мы находимъ, что въ 1588 г., село Дидковцы (Кіевского повѣта) было продано за 600 копъ литовскихъ грошей¹⁾; тогда же часть села Рудниковъ, около Житомирскаго замка²⁾, т. е. въ наиболѣе важномъ пунктѣ повѣта и болѣе доходное (тамъ могла производиться разработка желѣза), отдана въ залогъ за 200 копъ; въ 1602 г. въ Луцкомъ повѣтѣ село Дубляны³⁾ заложено за 1500 польскихъ злотыхъ, или за 600 копъ литов. грошей, такъ какъ копа грошей равнялась тогда 2¹/₂ злотымъ; въ 1623 г. село Рудка Ста-

¹⁾ Кн. Кіев. центр. арх. № 8, л. 360, № 20.

²⁾ Ibid., л. 325, № 6.

³⁾ Ibid., кн. № 2113, л. 61 № 37.

рая (Коростышевской волости) продано за 500 копъ литов. грошей ¹⁾; въ 1629 г. село Якимовка (Бѣлиловской волости) продано за 1000 польскихъ злотыхъ, что составляло 400 копъ литовскихъ грошей ²⁾, а м. Коростышевъ, вмѣстѣ съ с. Новымъ Городкомъ въ томъ же году было продано за 6000 пол. злотыхъ, или за 2400 копъ литов. грошей ³⁾; намъ кажется, этихъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что спросъ на земли былъ столь же значителенъ на югѣ Кіевской земли, какъ и на сѣверѣ, вдали отъ собственно козацкихъ поселеній. Можно думать поэтому, что для займа и освоенія свободныхъ земель ⁴⁾ къ югу отъ р. Тясмина уже не было; приобрѣтеніе ихъ здѣсь возможно было такъ же только посредствомъ покупки, какъ и на сѣверѣ, въ Кіевскомъ и Волинскомъ воеводствахъ. Жалоба на отсутствіе свободныхъ земель выражается и въ извѣстной малорусской думѣ о Ганжѣ Феськѣ Андыберѣ.

Тѣмъ не менѣе однакоже, хотя никому не принадлежащихъ для займа земель уже не оставалось, населеніе южной окраины не было еще настолько густо, чтобы могли возникать крупные или частые споры изъ-за захвата грунтовъ и нарушенія межевыхъ знаковъ; въ началѣ XVII в. козаки-землевладѣльцы не имѣютъ еще необходимости прибѣгать къ искусственному размежеванію своихъ полей и лѣсовъ и довольствуются естественными границами: рѣками, рѣчками, озерами, урочищами и проч.; но опредѣлить степень густоты этого населенія очень трудно; судить о количествѣ козацкихъ семей по числу участвовавшихъ въ войнахъ козаковъ затруднительно, потому что въ разное время это число бываетъ различно и колеблется отъ 1000 до 20,000, а въ Хотинской битвѣ, по сказанію лѣтописей, и при осадѣ Путивля въ 1634 г. подъ начальствомъ Арендаренка и Тараса, по донесенію воеводъ ⁵⁾, ихъ является даже 50,000 человекъ. Бопланъ считаетъ количество хуторянъ—козаковъ въ 80000 душъ; если принять даже это количество жителей, то нельзя не признать, что то пространство южно-русскихъ степей, которое въ настоящее время вмѣщаетъ въ себѣ милліоны людей, было населено весьма рѣдко отъ конца XV в. до половины

¹⁾ Ibid., Кн. № 9, л. 174, № 1.

²⁾ Ibid., л. 230, л. 230, № 16.

³⁾ Ibid., л. 212, № 36.

⁴⁾ Свободныхъ, въ смыслѣ обработанныхъ, приспособленныхъ для поизованія.

⁵⁾ Агты Москов. госуд., I, № 645, стр. 594—596.

XVII в. Это, какъ мы видѣли выше, не служило однако признакомъ слабости козачества; оно съ успѣхомъ боролось противъ татаръ въ концѣ XV в.; съ самаго начала XVI в. мы имѣемъ рядъ свидѣтельствъ, показывающихъ, что силы козачества, если не увеличились, то никакъ не уменьшились; напр., въ 1527 г. крымскій ханъ извѣщаетъ короля, что онъ готовъ идти на Москву съ отрядомъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ человекъ, но проситъ, чтобы онъ прислалъ листъ, обезпечивающій отряду свободный проходъ мимо Черкасъ и Канева, и приказалъ бы старостамъ не допускать козаковъ до нападеній и грабежей; однако, на обратномъ пути козаки татаръ все-таки ограбили; козаки были подъ предводительствомъ Солтанца, Ворочи и Масла¹⁾. Въ 1500 г. ханъ жалуется что на Днѣпрѣ ему „не добро кочевать: многіе съ ними брави чинятъ отъ ногай и отъ черкасъ“²⁾. Въ грамотѣ короля Свигизмунда I, отъ 21 іюня 1541 г., указано объ ограбленіи козаками небольшого отряда татаръ, ходившаго воевать окраины Московскаго государства³⁾. Поэтому-то, мы думаемъ, что вслѣдствіе численности и поголовной готовности козаковъ къ войнѣ татары избѣгали дѣлать набѣги на козацкія земли; мы рѣдко видимъ ихъ здѣсь; всего чаще татары ходили на Волнь, Подолію и Московскія окраины; и важнѣйшіе шляхи татарскіе, Муравскій и Черный, всѣ проходили въ сторонѣ отъ козацкой территоріи; напротивъ, татары, нуждавшіеся въ степяхъ для своихъ табуновъ, предпочитали избѣгать столкновеній съ козаками и, по-сосѣдски, входили съ ними въ договоры относительно кочеванія въ козацкихъ степяхъ, какъ было, напр., въ 1628 г. по извѣстію Межигорской лѣтописи⁴⁾; татары не были бы къ этому вынуждены, если бы поля оставались пустыни и не имѣли сильныхъ защитниковъ, если бы они были такъ „дики“ и страшны, какъ стараются изобразить ихъ польскіе бытописатели и даже оффиціальныя документы того времени, частью вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ самими степями и съ бытомъ ихъ обитателей, частью изъ корыстныхъ видовъ съ цѣлью получить во владѣніе пустая земля подъ предлогомъ якобы ихъ заселенія; при проѣздѣ чрезъ степи они, дѣйствительно могли, показаться путешественнику пустыни-

¹⁾ Акты Запад. Рос., II, 186.

²⁾ Сборникъ И. Р. И. О., т. XLII, л. 321.

³⁾ Акты Ю. и З. Р. т. 1-й, л. 109, № 105.

⁴⁾ Сборн. лѣт., Южн. и Зап. Руси, 95.

ными вслѣдствіе расселенія козаковъ по берегамъ рѣкъ, ради занятія ихъ рыболовствомъ¹⁾, такъ какъ земледѣліе было еще слабо развито; быть можетъ именно козакамъ и принадлежать тѣ городища, которые открыты проф. Антоновичемъ въ Поднѣпровьи²⁾.

Въ польской исторической литературѣ мы также встрѣчаемъ изслѣдователей, склоняющихся къ тому же предположенію; такъ, напр. Каз. Пуласкій, въ статьѣ своей „Dziki pol“ („Szkice i poszukiwania historyczne“. Kraków. 1887), признавая раннее развитіе козачества (въ концѣ XV в.) и приводя факты козацкаго землевладѣнія, считаетъ последнее вполне развившимся къ концу XVI в. и южно-русскія степи, хотя еще слабо, но заселенными уже: „to też ostatnich lat XVI wieku całkiem różny od tego, cośmy tutaj widzieli w wieku XV. Prawda, że jeszcze dużo jest stepow, bo tak wielkich przestrzeni nie łatwo zaludnić,—ale już niema jednego wielkiego stepu wzdłuż Dniepra od Kijowa aż po Oczakow—już niema bezludnych *dzikich pól*, a większe lub mniejsze osady rozrzucone choc z rzadka, lecz na całej przestrzeni“ (стр. 41).

Что касается до другаго важнаго фактора въ жизни козачества—до общественной автономіи ихъ, то хотя она является фактомъ извѣстнымъ и не подлежащимъ сомнѣнію, но въ нѣкоторыхъ частяхъ не достаточно выяснена; приведенные нами акты о козацкомъ землевладѣніи содержатъ въ себѣ нѣсколько весьма важныхъ данныхъ. Фактъ землевладѣнія вообще тѣсно связывается съ силой и прочностью власти, вѣдѣнію которой подлежало укрѣпленіе правъ частнаго лица на недвижимое имущество при переходѣ его изъ однихъ рукъ въ другія и спорныя дѣла, возникавшія изъ-за права владѣнія имъ; въ болѣе раннюю эпоху жизни южно-русскаго окраиннаго населенія, управлявшагося избираемыми на время князьями или атаманами, оба рода власти: гражданская (административная и судебная) и военная, могли находиться въ рукахъ однихъ этихъ общинныхъ пред-

¹⁾ Такъ расселяются до сихъ поръ уральскіе козаки, главное занятіе которыхъ также рыбная ловля въ Уралѣ и его притокахъ; каждый козакъ, какъ бы далеко ни лежала его нахотная земля отъ мѣста его постоянного жительства, уѣзжаетъ лѣтомъ въ поле для обработки земли и не возвращается домой до конца полевыхъ работъ. Такъ могли расселиться и занорожскіе козаки, давъ своимъ поселеніямъ названіе „зимовникъ“, изъ которыхъ они лѣтомъ ходили для промысловъ и обработки земли въ свои „уходы, albo станы“.

²⁾ Ф. Николаичевъ, г. Кременчугъ. Историч. очеркъ. Кременчугъ 1891, стр. 16. Авторъ замѣчаетъ, что такіе же городища замѣчены имъ на притокахъ Днѣпра въ Лѣво-береж. Украинѣ.

ставителей и лишь законодательная и высшая судебная принадлежала самой общинѣ; позже, съ развитіемъ формъ гражданской жизни и съ необходимостью вести непрерывныя войны, должно было произойти раздѣленіе властей на гражданскую и военную. И дѣйствительно въ самомъ началѣ XVII в. мы находимъ уже въ возадкой общинѣ каждую власть вполнѣ обособившейся; организація военной съ ея дѣленіемъ на полки и сотни достаточно извѣстна, чтобы на ней оставиваться здѣсь. Въ исторіи развитія гражданской власти долженъ былъ въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка совершиться тотъ же процессъ, какой мы видимъ въ эпоху войнъ Хмельницкаго, — военные предводители становятся въ мирное время гражданскими правителями; атаманы южно-русскихъ военныхъ общинъ (называвшихся, быть можетъ, и тогда тѣмъ же именемъ, которое удержалось за ними до конца XVIII в., а встрѣчается въ актахъ и начала XVII в., т. е. *товариществами*) обращаются позже во власть административно-судебную; каждое товарищество имѣло своимъ центромъ какой-нибудь городъ, а жившіе въ немъ козаки постепенно обращаются въ обывателей мѣста, мѣщанъ¹⁾; ихъ атаманы становятся городовыми атаманами; изъ такихъ товариществъ мы пока имѣемъ определенное указаніе на товарищество только чигиринское, хотя въ актахъ и дипломатической перепискѣ постоянно различаются еще „каневцы“, „черкасцы“, „кіевцы“, быть можетъ, по тому, что они составляли тогда еще разрозненныя общины съ отдѣльными своими атаманами и что эти общины лишь въ случаѣ общей опасности или ради общаго дѣла соединялись и во главѣ каждой становился свой атаманъ, и мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ въ такихъ случаяхъ имена трехъ и четырехъ предводителей. При атаманѣ товарищества состоялъ писарь; обязанностью его (и, вѣроятно, не единственною) было составленіе актовъ о переходѣ правъ на землю, которые имъ же и скрѣплялись, а утверждались атаманомъ; къ акту прикладывалась печать, которая называется то товарищескою, то мѣстскою; писаря въ то время, какъ и въ позднѣйшее, должны были принимать участіе и въ

¹⁾ Напр., въ 1539 г., въ рѣшеніи жалобы черкасскихъ мѣщанъ на старосту своего Ява Пенька объ отягощеніи ихъ повинностями понятіе о мѣщанинѣ смѣшивается съ понятіемъ о козакѣ; одно названіе замѣняется другимъ, при чемъ прибавлено, что многіе мѣщане позакладывались за старосту (А. З. Р., II, 353, 354). То же обращеніе козаковъ и мѣщанъ можно видѣть и въ прилагаемыхъ актахъ Волевача.

судѣ и въ управленіи, рядомъ съ атаманами. Атаманамъ товарищество принадлежала такая же судебно-административная власть, какая въ королевскихъ замкахъ принадлежала старостамъ, что видно не только изъ обязанности ихъ утверждать гражданскія сдѣлки, но и изъ прямого указанія грамоты короля Яна-Казимира, данной имъ 18 августа 1649 года въ обозѣ подъ Зборовымъ; въ этой грамотѣ мы читаемъ: „а особливо то имъ (т. е. козакамъ) тѣмъ нашимъ привилеемъ оберегаемъ, что сужены быти не мають отъ нашихъ старость, державцевъ и намѣстниковъ, но ихъ же атаманы въ дѣлахъ рuzсужденіе чинити мѣють и всякому требующему по томужъ справедливость чинити вмѣсто городовыхъ урядовъ“; здѣсь ясно сказано, что судъ старость замѣняется судомъ атамановъ; тоже еще яснѣе обнаруживается изъ слѣдующаго случая, имѣвшаго мѣсто позже, именно, въ 1660 году: упомянутый уже запорожскій козакъ Иванъ Олещенко продалъ свой отцовскій ставъ и байракъ Олешковъ запорожскому же козаку Василию Коробченкѣ сыну Ѳедора Коробки, который при Богданѣ Хмельницкомъ исполнялъ обязанности чигиринскаго атамана; купчая представлена была на утвержденіе тогда, когда Чигиринъ, вслѣдствіе измѣнившихся условій политической жизни, находился уже въ распоряженіи польскихъ старость; только съ утвержденіемъ старосты документъ получилъ законную силу, какая до эпохи Богдана Хмельницкаго давалась одной подписью атамана и приложенной имъ печатью общины. Юрисдикція атамановъ отмѣнена и запрещена сеймовой конституціей 1613 г.

Коммиссія на Масловомъ Ставу въ 1638 г., при каждомъ сотникѣ назначаетъ и атамана; но этихъ атамановъ она же называетъ поручиками, т. е. исполнявшими военныя порученія; атаманы же, упоминающіеся въ нашихъ актахъ являются съ обязанностями судебными; придавать значеніе одинаковости названія обѣихъ должностей нельзя также и по тому, что слово „атаманъ“ означало въ козачествѣ вообще начальника, лицо, стоявшее во главѣ и большаго и малаго отряда или общины.

Со времени войнъ Хмельницкаго должность судебныхъ атамановъ замѣняется и на правомъ и на лѣвомъ берегахъ Днѣпра болѣе развитыми полковыми и сотенными судами; на правомъ берегу она во время Руины, вслѣдствіе расширенія власти старость и распространенія магдебургскаго права даже въ мелкихъ городахъ почти исче-

заетъ, а на лѣвомъ преобразовывается въ весьма ограниченную власть городовыхъ атамановъ, какъ представителей городского козачества.

Но какъ была широка территорія, на которую распространялась судебная власть атамановъ до событій 1648 г., мы можемъ предполагать лишь по тому, напр., факту, что въ найденныхъ нами актахъ чигиринскій атаманъ утверждаетъ сдѣлки на имѣнія, расположенныя по р. Ингулу и у пороговъ.

Что должность козацкаго атамана въ рассматриваемую нами эпоху на правомъ берегу Днѣпра была не маловажна и въ нее избирались лица, заслужившія общее уваженіе и довѣріе, объ этомъ можно судить по тому, что два изъ трехъ извѣстныхъ намъ атамановъ являются въ роли представителей и ходатаевъ за козацкіе интересы предъ польскимъ правительствомъ; это были—Федоръ Кузминскій и Василій Томиловичъ, извѣстный въ козацкихъ лѣтописяхъ подъ народнымъ именемъ Томиленка. Федора Кузминскаго мы встрѣчаемъ въ 1632 году, какъ посла на сеймъ отъ козачества, а Василій Томиловичъ (или Томиленко), возвысившійся до званія гетмана въ 1636 году, боролся противъ Польши и погибъ въ Варшавѣ въ 1638 году; наконецъ при Богданѣ Хмельницкомъ чигиринскимъ атаманомъ былъ Федоръ Коробка, участвовавшій во встрѣчѣ московскихъ пословъ, ѣхавшихъ отъ царя къ Хмельницкому въ Чигиринъ; какъ должностное лицо, онъ получаетъ царскіе подарки наравнѣ съ Выговскимъ, и самъ, будучи уже обознымъ войсковымъ, отправляется къ царю отъ Хмельницкаго въ качествѣ посла.

Говоря объ обязанностяхъ атамана, мы упоминали между прочимъ и объ употребленіи имъ товарищеской печати; такъ какъ онъ пользовался ею при утвержденіи юридическихъ актовъ и быть можетъ былъ хранителемъ ея, какъ атрибута своей власти, то скажемъ кстати нѣсколько словъ и о ней. Она называется въ нашихъ документахъ то „печатью товарищеской чигиринской“, то „мѣстской“ (городской); названія эти не имѣли тогда рѣзкаго различія, какъ и названія „мѣщанина“, „козака“ и „обывателя“; въ указанной нами раньше козацкой купчей 1660 г. говорится, что она скрѣплена печатью „старой русской“, и хотя послѣдняя не описана и не изображена, но мы думаемъ, что здѣсь рѣчь идетъ о той же чигиринской печати, изображеніе которой уцѣлѣло на нашемъ документѣ. Она представляетъ собой небольшой овальный кружокъ съ ясно очер-

ченной въ срединѣ фігурой сердца, изъ верхней части котораго возвышается вертикальная линія, раздѣляющаяся у основанія своего на двѣ вѣтви, отклоняющіяся въ противоположныя стороны и закругляющіяся въ видѣ листьевъ; сходство линіи со стрѣлой очень незначительное; буквъ вокругъ печати разобрать невозможно. Изображеніе печати напоминаетъ собою нѣсколько гербъ Аксакъ, принадлежащій дворянскому кievскому роду Аксаковъ. По сказанію К. Несѣцкаго, онъ присвоивался тѣмъ лицамъ и ихъ потомству, которые прославляли себя въ войнахъ съ турками и татарами; быть можетъ усвоеніе себѣ такого герба дворянами дѣлалось по примѣру козачества, одерживавшаго частыя побѣды надъ татарами.

Но органомъ высшаго общественнаго управленія служила рада. Мы не имѣемъ данныхъ чтобы прослѣдить во времени ея возникновеніе и развитіе; но въ концѣ XVI в., судя по описанію ея Эрихомъ Лассотой (въ 1594 г.), она является вполне сложившимся институтомъ въ то время; несомнѣнно, рада, какъ и само козачество, очень древняго происхожденія и, быть можетъ, имѣетъ тѣсную связь съ вѣчемъ великокняжеской эпохи. На собранія рады въ болѣе позднюю эпоху мы имѣемъ указанія въ лѣтописяхъ и въ оффиціальныхъ документахъ XVII в.; такъ, напр., въ дневникѣ похода противъ козаковъ въ 1625 г.¹⁾, 12 октября; въ универсалѣ, печатаемомъ нами, гетмана Григорія Чернаго въ 1630 г.; въ 1632 г., 1634 г., по донесеніямъ русскихъ людей и самыхъ взятыхъ въ плѣнъ черкасвъ²⁾, и въ 1638 г. по діаріушу Окольскаго³⁾. Въ указанные нами годы рада собиралась по случаю чрезвычайныхъ событій, хотя нѣтъ основаній для заключенія, что ея собранія были постоянны и созывались въ опредѣленные сроки. Въ составъ рады входили всѣ люди, находившіеся въ войскѣ, если рада собиралась во время самой войны для рѣшенія вопроса о принятіи или непринятіи условій мира, какъ было, напр., въ 1625 г.; или для принятія предложенія сосѣднаго государства, приглашавшаго козаковъ на войну въ союзники, какъ было въ 1594 г., но козацкія рады въ такихъ случаяхъ скорѣе носили характеръ военнаго совѣта; быть можетъ, это были малыя рады,

¹⁾ Сборн. лѣтописей Ю. З. Руси, 104.

²⁾ Акты Моск. госуд., I, 402—411, 622.

³⁾ Лѣт. Величка, IV, 170, 276.

въ отличіе отъ общенародныхъ, какъ существовали прежде большія и малыя вѣча; въ мирное же время, при обсужденіи дѣлъ, касавшихся внутренняго управленія и распорядка, что мы видимъ въ 1632 г., въ составъ рады входили „лучшіе люди“, полковники и „товариство“, „письменные лучшіе люди“ по пяти человекъ отъ каждаго города; кромѣ козаковъ, въ радѣ участвуютъ кіевскій митрополитъ и лудскій епископъ, когда обсуждается вопросъ о борьбѣ съ уніей.

Раду, какъ мы видимъ изъ указанныхъ нами источниковъ, могъ созывать и гетманъ и митрополитъ, а въ военное время и простое козачество, и даже стороннія лица (напр. князь Іеремія Вишневецкій въ 1634 г.). Способъ созванія рады неизвѣстенъ за недостаткомъ источниковъ. Рада собиралась въ разныхъ мѣстахъ, смотря по обстоятельствамъ, напр. въ сѣчи въ 1594 г., въ Каневѣ въ 1625 г., на Старицѣ и въ Кіевѣ въ 1630 и 1638 г.г., въ Корсунѣ въ 1632 г. въ Чернѣховской Дубровѣ тогда же, и въ Лубнахъ въ 1634 г. Порядокъ обсуждения дѣлъ и постановленія рѣшеній въ общей радѣ (черной) мы предполагаемъ такимъ, какимъ онъ описанъ у Эриха Лассоты, хотя то былъ, какъ мы сказали, только военный совѣтъ: собравшіеся на раду козаки, послѣ выслушанія предложенія гетмана, раздѣляются на два круга (кола); одинъ состоялъ изъ старшинъ, другой изъ черни; послѣдняя требовала единогласнаго рѣшенія дѣла и несогласавшихся силой принуждала присоединиться къ рѣшенію большинства ¹⁾. Вѣдѣнію рады подлежали важнѣйшія дѣла, касавшіяся интересовъ всего южно-русскаго населенія; постановленія рады по этимъ дѣламъ имѣли обязательную силу закона; таковы, напр., постановленія кіевской рады въ 1638 г., постановленія Чернѣховской рады въ 1632 г. о борьбѣ съ Польшей изъ-за уніи; вѣдѣнію рады подлежало также право низверженія и избранія гетмановъ и возбужденіе вопроса о подчиненіи московскому государю.

Насколько распространенъ былъ обычай рѣшенія общественныхъ дѣлъ въ радѣ, показываетъ упомянутый нами созывъ рады въ Лубнахъ кн. Іереміей Вишневецкимъ, а ея необходимость и право существованія доказывается словами Богдана Хмельницкаго, въ которыхъ онъ долженъ былъ оправдывать принятія имъ мѣры безъ всенароднаго вѣдома и совѣта важностью сохраненія въ тайнѣ на-

¹⁾ Эр. Лас., 32, 33.

мѣренія и дѣйствій козачества ¹⁾, такъ какъ огласка въ предшествовавшія возстанія давала полякамъ возможность ,приготовляться къ войнѣ.

Быть можетъ радѣ принадлежало также право и высшей судебной инстанціи, но въ сохранившихся источникахъ до эпохи Богдана Хмельницкаго мы не находимъ прямыхъ указаній, кромѣ того косвеннаго, что изложеніе гетмана, какое было совершено на радѣ въ 1632 г., не могло произойти безъ суда надъ смѣненнымъ, который и былъ потомъ убитъ. Изъ изложеннаго нельзя не замѣтить большаго сходства между козацкими радами и вѣчами великокняжескаго періода; сходство это мы думаемъ просто объясняется тѣмъ, что какъ самыя южнорусскія общины, такъ и выработанныя ими учрежденія, продолжали существовать отъ глубокой древности, съ тѣми лишь измѣненіями, какія произведены въ нихъ временемъ и обстоятельствами.

Съ совершившимся въ козачествѣ въ концѣ XVI в. развитіемъ гражданской власти рады и атамана, съ приобрѣтеніемъ ими большаго авторитета, чѣмъ въ предшествующіе XV и XVI вв., и съ начавшимся въ то же время сплоченіемъ отдѣльныхъ общинъ во-едино, должна была возрасти и единая власть военная, сосредоточившаяся въ рукахъ гетмана. Въ исторіи развитія этой власти мы наблюдаемъ три періода: 1-й продолжается до 1572 г.; козачество въ это время жило отдѣльными общинами, въ главѣ которыхъ стояли атаманы; такъ, напр., подъ 1489 упоминаются Богданъ, Голубецъ и Васко Жила ²⁾. въ 1527 г. мы встрѣчаемъ Солтанца, Ворочу и Масла ³⁾ и друг.; въ случаѣ общей опасности отъ татаръ, грозившей и козачеству и королевскимъ старостамъ, общины идутъ на борьбу подъ предводительствомъ старость, что и дало поводъ, какъ мы сказали выше, лѣтописцамъ называть послѣднихъ гетманами; 2-й періодъ начинается съ 1572 г., когда польское правительство пришло къ мысли о необходимости особаго предводителя козакамъ и назначило таковымъ въ 1572 г. Яна Бадовскаго, потомъ Яна Оришевскаго въ 1580 г., какого-то Вышков-

¹⁾ „А що мы нынѣшню съ поляками зачали войну безъ вѣдома и совѣта вашего всенароднаго, за тоє вы на насъ не ускаржайтєся“: примѣри прежнихъ неудачныхъ козацєвхъ возстаній требуютъ осторожности и тайны (А. З. Р., V, 80, № 25).

²⁾ Сборн. И. Р. И. О., XXXV, 23, 26 и друг.

³⁾ Акты Запад. Рос., II, 186.

скаго, который упоминается мимоходомъ подь 1617 г. ¹⁾), и, наконецъ, князя Михаила Ружинскаго ²⁾ въ 1585 г. Существованіе этихъ лицъ и положеніе ихъ, какъ малорусскихъ гетмановъ, подтверждается несомнѣнными документами. Въ этотъ же періодъ, вслѣдствіе недовольства назначаемами гетманами, тянувшими въ сторону Польши, само козачество избираетъ себѣ собственнаго гетмана изъ своей среды и ведетъ войны съ Молдавіей и Крымомъ; таковы: Иванъ Свирчовскій, Иванъ Подкова, Яковъ Шахъ и друг.; развитію самостоятельной должности гетмана среди козаковъ много помогли также преслѣдованія и гнетъ надъ ними старость и начавшіяся по смерти Сигизмунда-Августа неурядицы въ самой Польшѣ, вниманіе которой было такимъ образомъ отвлечено отъ того, что происходило на далекой южной окраинѣ. Усиленіе и обособленіе собственныхъ гетмановъ въ козачествѣ продолжается до самаго начала XVII в., когда оно, послѣ Брестской уніи, вступаетъ въ ожесточенную борьбу съ Польшей. Отъ этого времени беретъ начало третій періодъ въ развитіи гетманской власти; съ 1593 г., начиная съ Криштофа Косинскаго, до насъ доходятъ ихъ подлинныя универсалы и другіе документы; въ нихъ мы замѣчаемъ уже широкое развитіе гетманской власти, которая въ военное время становится диктатурой, а въ мирное—ей принадлежитъ высшій надзоръ за спокойствіемъ страны; своими универсалами ³⁾ гетманы то ограждаютъ частную собственность, то дѣлаютъ распоряженіе о преслѣдованіи уніи ⁴⁾, охраненіи братствъ, церквей, школъ. Съ 1638 г. гетманская власть совершенно отмѣняется польскимъ правительствомъ въ подавленномъ и побѣжденномъ козачествѣ, съ тѣмъ чтобы чрезъ 10 лѣтъ проявиться съ болѣе полной силой при Хмельницкомъ.

Что касается до должности кошевого атамана въ Запорожьѣ, то подь этимъ именемъ она является въ актахъ весьма поздно; первое время кошевой именуется гетманомъ или старшимъ даже въ

¹⁾ Въ договорѣ 1617 г. въ Старой Ольшанкѣ комиссаровъ съ козаками постановлено, что козаки будутъ принимать „старшого“ по назначенію короннаго гетмана, „iako pigdy bywał Wyszkowski i inszy“ (Арх. Ю.-З. Р., ч. III, т. I, 209).

²⁾ Ibid, 15.

³⁾ Универсалы Барабаша 1617 и Сагайдачнаго 1619 г., упомянутые нами выше, универсалъ Григорія Чернаго 1630 г. (См. Прилож. № I, 4) и друг.

⁴⁾ С. Голубевъ, П. Могила, т. I, Прилож. 401—407, 505—506.—Приложеніе № I в Памятники Вр. Ком. для разб. древн. акт., II, № X, (Отд. I, 127).

официальныхъ актахъ, что даетъ поводъ часто смѣшивать запорожскаго гетмана съ малорусскимъ вообще. Какъ начальникъ сторожеваго отряда козаковъ, кошевой подчинялся гетману; но такъ какъ значеніе и сила послѣдняго часто то падала, то опять поднималась, то и значеніе кошевого, какъ единого представителя козачества, должна была въ періоды паденія стоять высоко; нерѣдко кошевые атаманы вступаютъ въ борьбу съ гетманами, становятся на сторону „черныхъ“ людей и при ихъ посредствѣ сами дѣлаются гетманами; въ періодъ козацкой исторіи до Богдана Хмельницкаго прослѣдить эту борьбу не легко, какъ не легко указать и послѣдовательный рядъ кошевыхъ атамановъ по недостатку нашихъ данныхъ. Мы возвратимся къ этому вопросу въ другой разъ, потому что въ настоящемъ случаѣ онъ отвлекъ бы насъ далеко въ сторону отъ главнаго предмета нашей работы.

При существованіи въ козацкихъ общинахъ органовъ административной и судебной власти въ лицѣ гетмана, атамановъ и представителей рады, необходимо допустить также и существованіе права; нѣтъ основаній для того, чтобы предполагать употребленіе ими литовскихъ статутовъ или сеймовыхъ постановленій; весьма вѣроятно, что они удерживали древне-русское право, которое и отличаютъ какъ особое (отъ польскаго) козацкое. Такъ, напр., по прилагаемымъ нами документамъ могутъ быть установлены слѣдующія юридическія обычаи:

1) При наслѣдованіи, дворъ и домъ, гдѣ жилъ отецъ, отдаются имъ младшему сыну и женѣ.

2) Остальное движимое и недвижимое имущество распредѣляется поровну между сыновьями и ихъ матерью.

3) Завѣщатель требуетъ, чтобы и жена оставленныхъ ей деньги, умирая, поровну раздѣлила всѣмъ сыновьямъ.

4) Погребеніе и поминовеніе по душѣ отецъ поручаетъ старшему сыну, а взысканіе долговъ женѣ.

5) Жена при жизни мужа пользуется равнымъ съ нимъ правомъ приобрѣтенія, отчужденія и пользованія недвижимымъ имуществомъ.

6) Вдова пользуется самостоятельно правомъ распоряженія недвижимымъ имуществомъ, которое она считаетъ отчизнымъ, указывая тѣмъ на наслѣдованіе дочерей. Дочери, за неимѣніемъ сыновей, наслѣдуютъ отцовскія земли.

Кромѣ русскаго обычнаго права, выражающагося въ нашихъ древнѣйшихъ актахъ, языкъ ихъ также свидѣтельствуеть о принадлежности населенія къ чисто-русской народности, которая не подверглась еще полонизаціи.

Среди богатаго козачества проявляется потребность и въ просвѣщеніи; по большей части они были образованными для своего времени людьми и среди народа извѣстны подъ именемъ „письменныхъ“; этотъ эпитетъ, вмѣстѣ съ народомъ, усвоиваютъ и путивльскіе воеводы въ своихъ донесеніяхъ царю о мѣстныхъ событіяхъ. Каргопольскіе воеводы въ 1614 г. указываютъ на одного образованнаго сотника Оедьку, который находился у нихъ въ плѣну: „а тотъ-де Оедька у нихъ честенъ и умѣеть многимъ языкомъ и прежде сего бывалъ у черкасъ же въ полковникахъ“¹⁾. Гдѣ же могли получать образованіе козаки, какъ не въ Кіевѣ, съ которымъ находилась въ близкихъ и постоянныхъ сношеніяхъ, или въ монастырскихъ школахъ, подобныхъ той, какая существовала въ Самарскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ, о чемъ свидѣтельствуеть неизданная до сихъ поръ какая-то монастырская будто хроника²⁾.

Два разсмотрѣнные нами фактора во внутренней жизни козачества—крупное землевладѣніе и автономія—при глубокомъ сознаніи особенности русской національности и ея приверженности къ православію, обуславливали собою тѣ два переворота, которые указаны нами выше. Забота объ укрѣпленіи за собою земель и стремленіе къ власти и вліянію въ общинѣ глубоко раскалывали козачество, заставляя его искать поддержки извнѣ и обуславливали собою ту повседневную внутреннюю борьбу, которая привела къ подчиненію Польшѣ и которую мы попытаемся обрисовать по возможности кратко.

Разъ возникшее крупное землевладѣніе продолжало развиваться; оно должно было давать силу и значеніе богатымъ козакамъ; среди нихъ мы дѣйствительно и наблюдаемъ зарожденіе мѣстнаго дворянства, именующаго себя, подобно польской шляхтѣ, шляхетнымъ, урожовымъ, какъ показываютъ акты и универсалы того времени; при существованіи козацкой автономіи, при существованіи вліятельныхъ козаковъ, стремленіе послѣднихъ къ власти, къ руководству дѣлами

¹⁾ Акты Москов. госуд., I, 107, № 70.

²⁾ См. соч. Марьяна Дубецкаго: „Kudak, twierdza kresowa i jej okolice“ Warszawa 1879 г., стр. 85.

своего товарищества, понятно само собой; сосредоточеніе земли въ рукахъ богатыхъ козаковъ частью путемъ купли, частью путемъ займа свободныхъ пространствъ, должно было возстановить противъ себя землевладѣніе мелкое, потому что первое стремилось поглотить второе; между ними начиналась борьба; прежде въ этой борьбѣ крупные землевладѣльцы могли опираться на центральную власть (въ лицѣ кievскихъ князей), а послѣ окончательнаго паденія ея въ началѣ XVI в. лишились такой опоры; въ самой общинѣ они не могли ея найти и волей-неволей пришлось искать ее внѣ; поэтому-то вслѣдъ за такъ называемымъ началомъ козачества мы и встрѣчаемъ, что крупные и даже многіе мелкіе землевладѣльцы ищутъ огражденія своихъ правъ на землю у королей, ихъ старостъ и замковыхъ судовъ; получить же охрану ихъ они могли лишь съ возстановленіемъ своего подчиненія польской власти, становясь такимъ образомъ въ большую или меньшую зависимость отъ нея. На встрѣчу этимъ просьбамъ о подтвердительныхъ грамотахъ идетъ охотно и польское правительство, хорошо сознавая выгоды для себя такого рода отношеній къ козачеству; оно подтверждаетъ и общими грамотами (напр. упоминаніе въ лѣтописи о какой-то грамотѣ Сигизмунда I 1506 г. и грамотѣ Стефана Баторія 1576 г.) и частными привилегіями права козаковъ на землю и въ то же время приглашаетъ ихъ на службу королевству за жалованье; на этотъ призывъ отвѣчаютъ не медля согласіемъ козаки-землевладѣльцы; образуется регестровое козачество; оно, состоя на службѣ у короля, не только получаетъ отъ него жалованье, но что важнѣе всего для него, пользуется охраной своихъ имѣній; чѣмъ далѣе, тѣмъ число регестровыхъ козаковъ стремится къ увеличенію, побуждаемое къ тому необходимостью упроченія своихъ правъ владѣльческихъ. Это стремленіе землевладѣльцевъ къ обезпеченію своихъ правъ на землю, расширяясь, и ведетъ потомъ, быть можетъ, къ закрѣпощенію безземельныхъ, что производитъ между тѣми и другими вражду постоянную и разрывъ, хотя и неокончательный; моментъ этого разрыва, близкій по времени съ образованіемъ регестроваго козачества, и есть тотъ второй переворотъ (онъ по свойству своему не можетъ быть приуроченъ къ какому-нибудь году), который отмѣченъ въ лѣтописяхъ, какъ организація козачества королемъ Стефаномъ Баторіемъ.

Указанному перевороту помогало и другое обстоятельство; это—стремленіе къ шляхетству крупныхъ землевладѣльцевъ, которое такъ же, какъ и право землевладѣнія, заставляетъ ихъ искать поддержки у польскаго правительства; тѣмъ не менѣе однокоже, сознаніе своей народности, естественная потребность ея сохраненія, вмѣстѣ съ преданностью православію, удерживаетъ ихъ отъ окончательнаго сліянія съ польскою шляхтою, и этого они достигаютъ только въ союзѣ съ мелкими землевладѣльцами и съ остальной массой населенія; послѣдніе, въ свою очередь, обособляются, сходясь въ Запорожьи, какъ сторожевомъ отрядѣ, всегда нуждавшемся въ новыхъ и новыхъ пришельцахъ. По мѣрѣ того какъ усиливаются крупные и мелкіе землевладѣльцы—козаки, по мѣрѣ того какъ увеличивается число регестровыхъ, они становятся все въ большій разрѣзъ съ интересами безземельныхъ, по временамъ, вмѣстѣ съ польскимъ правительствомъ, дѣлаютъ попытки къ ихъ уничтоженію и часто, по собственной инициативѣ, принимаютъ мѣры къ тому, чтобы число запорожцевъ не возросло (напр., постановленія рады 1638 г. и борьба гетмана Кулаги съ своевольными козаками). Но въ то же время регестровое козачество не можетъ желать и полнаго уничтоженія сѣчевиновъ, потому что они охраняли козацкія владѣнія съ юга отъ татаръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не давали возможности и польскому правительству окончательно овладѣть и подчинить себѣ крупныхъ землевладѣльцевъ: въ моменты наибольшаго напора полонизма на русское населеніе вообще они находили точку опоры въ безземельномъ козачествѣ и соединялись для общей борьбы. Но такъ какъ приобрѣтенію земель и увеличенію богатства много помогало общественное положеніе, то крупные землевладѣльцы стремятся еще и къ власти въ товариществѣ, отъ котораго вполнѣ зависитъ избраніе или неизбраніе лица въ должность; конкурентамъ приходилось искать себѣ сторонниковъ въ той массѣ, которую они старались ограничить въ правахъ. Происходила такимъ образомъ борьба козаковъ-землевладѣльцевъ на два фланга: съ одной стороны съ безземельными и малоземельными изъ-за земли и закрѣпощенія ихъ, по примѣру польской шляхты, а съ другой—между собой изъ-за власти въ общинѣ; и та и другая борьба проходитъ красной нитью въ исторіи козачества, и каждая изъ нихъ, начавшись весьма рано, доходитъ до значительныхъ уже размѣровъ въ то время, къ которому лѣтописи относятъ такъ называемую организацію козачества.

Указанія лѣтописей на борьбу малоземельныхъ и безземельныхъ вообще съ крупнымъ землевладѣніемъ относится къ очень раннему періоду и проявляется одинаково какъ на западѣ, такъ и на востокѣ Южной Руси, хотя первыя признаки ея трудно уловить. Такъ, напр., подобный фактъ отмѣченъ еще Мартиномъ Бѣльскимъ въ своей хроникѣ подъ 1491 г.; тогда разбойникъ Муха, валахъ по происхожденію, простой холопъ, собралъ въ Валахіи и въ Руси вокругъ себя такихъ же людей, какъ и самъ, до десятка тысячъ и воевалъ Покутье и Русскія земли; однако Николай Ходецкій, по прозванію Земелька, мужъ не простой, вмѣстѣ съ польскими жолнерами, поразилъ его отрядъ, но самъ Муха бѣжалъ. Впослѣдствіи, уже при Альбертѣ, онъ снова собиралъ народъ; но когда былъ у одной русской женщины, съ которою имѣлъ общіе интересы, то послѣдняя тайно выдала его; жолнеры его поймали и связаннаго отвезли въ Краковъ, гдѣ онъ и умеръ въ заключеніи¹⁾. Подъ 1579 д. упоминается о злодѣяхъ Качорѣ, Крадзвѣ (sic) и Ракошикѣ, которыхъ имена были извѣстны²⁾ по всей Подоліи, какъ разорителей и грабителей. Въ 1585 г. своевольные люди, запорожскіе козаки, взбунтовавшись замучили и утопили королевскаго посла пана Глубоцкаго; они были своими же регистровыми козаками арестованы и присланы въ Кіевъ въ ожиданіи о нихъ королевскаго распоряженія³⁾. Въ 1587 г. какой-то козакъ Лукьянъ Червинскій который именовалъ себя гетманомъ, вмѣстѣ съ какими-то Ивановскимъ, Патокой и Пергатомъ, собралъ вокругъ себя не мало козаковъ и „хлоповъ простыхъ“, конныхъ и пѣшихъ, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ, напалъ на г. Кодню и разорилъ его⁴⁾. Въ слѣдъ затѣмъ въ исторіи Южной Руси наступаетъ смутный періодъ борьбы козаковъ и всего народа изъ-за уніи и закрѣпощенія народа. Акты того времени свидѣтельствуютъ о безчисленныхъ скопищахъ своевольныхъ людей⁵⁾ въ Правобережной Украинѣ, производившихъ разбои, грабежи и убійства, такъ что трудно теперь опредѣлить, имѣли-ли они цѣлью борьбу съ гонителями вѣры или же были слѣдствіемъ споровъ изъ-за земли.

¹⁾ Стр. 478.

²⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. III, т. I-Б, стр. 8.

³⁾ Ibid., стр. 15.

⁴⁾ Ibid., стр. 19.

⁵⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. III, т. I (до конца).

Лѣвобережная Украина, рѣже населенная и потому болѣе спокойная также испытывала волненія „голоты“. Однако волненія эти обнаруживаются здѣсь лишь во второй четверти XVII в. и, быстро подавляемыя, не принимаютъ такихъ широкихъ размѣровъ, какія мы видѣли на правой сторонѣ. До эпохи Хмельницкаго лишь Черниговская лѣтопись отмѣчаетъ и то только одинъ подобный фактъ, именно подъ 1632 г.¹⁾: „въ Лубнахъ мужикъ одинъ назвалсе царемъ и зобралосе до него много голоты; а гды ляхи того царя поймали, гултайство его еднихъ постинали, а иншіе поутекали, а самого того царя, набивши гармату великую, вложили его въ ея и выстрелили на воду—и тамъ утонулъ“²⁾.

Проявлявшаяся въ указанныхъ возстаніяхъ голоты глухая повседневная борьба между богатыми козаками-землевладѣльцами и козаками безземельными изъ-за права владѣнія землями нашла себѣ полное выраженіе въ одной изъ извѣстныхъ малорусскихъ думъ, записанной П. А. Кулишемъ, именно въ думѣ о Ганжѣ Феськѣ Андыберѣ³⁾. Сущность этой борьбы и ея цѣль высказываются въ словахъ Ганжи, относимыхъ имъ къ богатымъ козакамъ, „дукамъ-срибленникамъ“ думы:

„Эй, дуки, вы, дуки!
 „За вами вси луги и луки,
 „Нигдѣ нашему брату козаку-нетязи стати
 „И кова понасты“.

Какъ самъ г. Кулишъ (въ болѣе ранній періодъ своей дѣятельности), такъ и другіе изслѣдователи малорусскихъ историч. пѣсенъ, напр., В. Б. Антоновичъ и покойный Н. И. Костомаровъ,—всѣ они приурочиваютъ эту думу ко времени послѣ Богдана Хмельницкаго на томъ основаніи, что крупное землевладѣніе развилось будтобы лишь послѣ 1654 г.; только въ недавнее время г. Кулишъ въ своей драмѣ: „Байда, князь Вишневецкій“, относитъ ее къ 1553—1564 г. Мы не раздѣляемъ обоихъ мнѣній и думаемъ, что она должна быть отнесена къ первой половинѣ XVII в., вообще ко времени до Хмельницкаго, по слѣдующимъ основаніямъ: 1, наши документы точно устав-

¹⁾ Стр. 16.

²⁾ Въ указанныхъ случаяхъ борьба въ козачествѣ вполнѣ напоминаетъ такую же борьбу въ древней Греціи и Римѣ.

³⁾ Записки о Южной Руси, т. I, стр. 200—209.

ливаютъ фактъ развѣвшагося вполне на правѣ полной частной собственности крупнаго козацкаго землевладѣнія, т. е. существованіе „дуковъ - срибленниковъ“ думы, а время, къ которому этотъ фактъ относится—первая половина XVII вѣка; 2, мѣсто дѣйствія, описываемаго въ думѣ—правый берегъ Днѣпра, а не лѣвый, и при томъ въ южной части козацкихъ владѣній и, наконецъ, 3, лица, упоминаемыя въ думѣ, встрѣчаются въ лѣтописяхъ и документахъ XVII вѣка, именно самъ герой думы „козакъ-нетяга“ Ганжа и одинъ изъ „дуковъ—срибленниковъ“—Долгополенко.

Если Ганжа и не былъ запорожскимъ гетманомъ, какъ величаетъ его дума, отъ которой нельзя и требовать точности, то, во всякомъ случаѣ, виднымъ дѣятелемъ въ козацкомъ войскѣ. Ганжа выдвигается еще въ войну 1638 г., и ему позже, какъ одному изъ популярныхъ вождей Запорожья, Хмельницкій. даетъ порученіе склонить на свою сторону регестровыхъ козаковъ: и въ лѣтописяхъ и въ думѣ Ганжа является дѣятельнымъ представителемъ безземельной массы—голоты. Что касается до Долгополеника думы, то это имя мы встрѣчаемъ въ печатаемыхъ нами актахъ Волевачей XVII вѣка; и въ думѣ и въ актахъ оно принадлежитъ лицу, являющемуся козакомъ, который владѣетъ большимъ имѣніемъ и богатствомъ.

На сторону безземельныхъ и малоземельныхъ козаковъ становилось и Запорожье со своими кошевыми атаманами во главѣ; во время войнъ они дѣйствовали согласно съ богатыми козаками лишь до тѣхъ поръ, пока интересы тѣхъ и другихъ не расходились; въ противномъ случаѣ возникало междоусобіе, оканчивавшееся гибелью того изъ вождей, сторона котораго оказывалась болѣе сильной. Такъ, напр., въ 1596 г. предводители народа и козаковъ, Наливайко и Лобода, котораго мы встрѣтили уже въ числѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, дѣйствовали сначала сообща; при неудачѣ Лобода сталъ тянуть на сторону коронныхъ войскъ, былъ обвиненъ въ этомъ Наливайкомъ и убитъ козаками; въ 1621 г., когда регестровое козачество было приглашено въ участію въ войнѣ Польши съ Турціей, то предводитель его гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный казнить атамана запорожцевъ Бородавку за позднее, а можетъ быть просто за неохотное появленіе его; вообще въ эту войну, замѣчаетъ Н. И. Костомаровъ, обнаружилось сочувствіе простаго народа къ Турціи; „Сагайдачный же“, говоритъ онъ далѣе, „считалъ

Польшу отечествомъ и по тому становился въ разрѣзъ съ посполствомъ“; но, конечно, и Сагайдачный не считалъ Польшу отечествомъ, а дѣйствовалъ въ ея пользу лишь изъ-за надежды на поддержку богатаго козачества; послѣ войны въ письмѣ къ королю онъ, дѣйствительно, и жалуется на польскихъ магнатовъ: „Вишневецкихъ, Конецпольскихъ, Потоцкихъ, Калиновскихъ и иныхъ“ о томъ, что они хотятъ козаковъ „въ подданство и ярмо работническое себѣ безбожно склонити“; 2) гетманъ угрожаетъ польскимъ панамъ печальными послѣдствіями и не въ силахъ скрыть своей ненависти въ корол. старостамъ, какъ главнымъ виновникамъ козацкихъ бѣдъ, называя ихъ презрительно „старостками“ и „пьяницами“ 3).

Хотя и не столь сильная, какъ между Сагайдачнымъ и Бородавкой, проявились рознь и во время войны 1625 г., когда на радѣ въ Каневѣ 3000 козаковъ, не желая подчиняться коронному гетману, власть котораго признавало регестровое козачество, ушли на югъ на встрѣчу гетману Жмайлу, выходившему изъ Запорожья. Не обошлось безъ такого же двоевластія и въ возстаніе Тараса въ 1630 г.: запорожцы и меньшая часть регестровыхъ выбрали Тараса, а большая часть предпочла Григорія Чернаго, преданнаго полякамъ. Въ 1632 г. обнаруживается борьба между гетманомъ регестровыхъ козаковъ Кулагой, живущимъ въ Каневѣ и пользующимся милостями короля (ему присланы знамя, булава и литавры), и Запорожьемъ, которое выбрало себѣ гетманомъ опять Тараса и Дацка Бѣлоцерковца; Кулага силою хотѣлъ заставить запорожцевъ идти войною на московскіе города съ нимъ и польскими войсками 4). Онъ ходилъ за пороги съ войскомъ, но боя не было; тѣмъ не менѣе Тараса взяли, а на его мѣсто оставили полковника Коленку, преданнаго полякамъ, чтобы удержать запорожцевъ отъ похода на татаръ; потомъ всѣ запорожцы пошли въ Корсунь къ Кулагѣ, чтобы вмѣстѣ идти подъ Смоленскъ;

1) Богд. Хмел., т. I, стр. 69.

2) Лѣт. Сам. Вел., I, прилож., стр. 45.

3) „Кгдажъ если они, козаки, не получаютъ въ томъ вашего королевского высшаго величества прызренія и респекту, то же би що новое отъ нихъ (якъ уже и пошмеруютъ) не уродилося и огня гнѣвнаго (чего не дай Боже) не запалило; въ який часъ уже не на козаковъ, але сами на себе и на своихъ пьяницъ старостохъ всеможныхъ ихъ милость панове полскіе наректи и жалковати мусѣли бы“ (Ibid., 46).

4) А. М. Г., I, 346, № 328 и слѣд.

но собравшись на раду въ Чернѣховской Дубровѣ козаки смѣнили Кулагу и выбрали Андрея Дѣденка, который за поляками и Конецпольскимъ не пошелъ ¹⁾; кромѣ гетмана выбрали и полковниковъ изъ „черныхъ людей“, отняли у Кулаги атрибуты его власти и передали новому гетману; наконецъ Кулага былъ убитъ ²⁾ за то, что хотѣлъ „облашиться“; кошевымъ выбрали Каллиника; оба представителя козачества дѣйствуютъ теперь согласно и собираются идти на море; они же на радѣ въ Корсунѣ прогнали отъ себя сторонниковъ польской власти, „унейщиковъ“, и рѣшили стоять за вѣру „по Днепръ“; такихъ унейщиковъ оказалось на радѣ почти 2000 человекъ. Въ 1634 г. былъ уже новый гетманъ Ильяшъ. ³⁾ Въ 1635 г. во время возстанія Сулимы, разорившаго новопостроенную крѣпость Кодакъ, регестровые переписки пристали къ запорожцамъ и выдали Сулиму полякамъ. Въ 1637 г. и 1638 гг. раздоры не прекращались между указанными сторонами; съ одной стороны мы видимъ склоннаго къ примиренію съ поляками Василя Томиловича и Савву Кононовича, съ другой—непримиримыхъ вождей казачества Павлюка, Скидана, Гуню и Острина ⁴⁾; то же явленіе борьбы и двоевластія повторилось и при Богданѣ Хмельницкомъ.

Во всѣхъ указанныхъ примѣрахъ ясно наблюдается распаденіе козачества на двѣ большія и сильныя группы, взаимно ослабляющія одна другую въ борьбѣ, — „лучшихъ людей“ и „черныхъ“, по актамъ Москов. ⁵⁾ государства; „дуковъ-срибленниковъ“ и „козаковъ-нетягъ“ — малорусской думы; „шляхетно-уроженныхъ пановъ“ и „поспольштво“ — польскихъ памятниковъ; этими послѣдними эпитетами величаются они въ ⁶⁾ универсалахъ Острина и Богдана Хмельницкаго ⁷⁾; также именуютъ они себя и въ своихъ юридич. актахъ ⁸⁾; польскія власти въ своей перепискѣ съ козаками, въ свою очередь, признаютъ, что „шляхта и козаки одной поваги“, такъ какъ кровью и мечемъ защищаютъ отчизну.

¹⁾ Ibid., стр. 402

²⁾ Ibid., 405, 410.

³⁾ Ibid., 586.

⁴⁾ Вообще въ эту войну обнаруживается сильное господство черни, среди которой выдѣляется даже наиболѣе враждебный къ панамъ элементъ со своимъ предводителемъ Шекерявымъ (Вел., IV, 229).

⁵⁾ См. цитов. мѣста.

⁶⁾ Велмч., IV, стр. 135.

⁷⁾ А. З. Р., V., стр. 80, № 25.

⁸⁾ Къ Киев. центр. арх. № 2952, л. 104, актъ **/ю.

Однако не одна указанная борьба шляхетно-урожданаго козачества съ посполствомъ ослабляла Южную Русь,—среди самой козацкой шляхты происходили раздоры, въ свою очередь, много вредившіе ихъ общему дѣлу—борьбѣ съ поляками въ защиту своей вѣры и народности; такъ, напр., назначеніе въ 1572 г. королемъ Сигизмундомъ-Августомъ Яна Бадовскаго на должность козацкаго судьи показываетъ уже, что среди козаковъ существовали какіе-то споры, примирить которые были бессильны ихъ собственные войсковые судьи. Н. И. Костомаровъ сообщаетъ о какихъ-то неурядицахъ среди самого регестроваго козачества въ октябрѣ 1614 г., чѣмъ воспользовались польскія власти и заключили съ козаками подъ г. Житомиромъ договоръ, въ силу котораго подчиненіе регестровыхъ увеличивалось, а право козаковъ собираться на рады было стѣснено¹⁾; быть можетъ эти ограниченія сдѣланы были въ-замѣнъ за поддержку, которая оказана была поляками болѣе сильной партіи въ богатомъ регестровомъ козачествѣ въ его борьбѣ между собой. Эту вражду польскія власти считаютъ пагубной (конечно, для своихъ интересовъ), и коронный гетманъ, указывая на постоянное взаимное недовѣріе, „неуфность“, среди старшины, „же единъ другому между собой на той первости не вѣрятъ“²⁾, предлагаетъ и желаетъ самъ „до едности привести“ ихъ. Богатые и наиболѣе вліятельные козаки и сами также сознавали весь вредъ этихъ несогласій для общественныхъ интересовъ, а по тому въ 5 пунктѣ своего постановленія, состоявшагося на радѣ въ Кіевѣ 9 сентября 1638 года, заявляютъ, что между ними самими „такій едиктъ вѣйшолъ, абы жили въ братерской любви“, „аби жаденъ другому под горломъ (т. е. подъ страхомъ повѣшенія) словомъ докладати не мѣлъ“. Всѣ случаи несогласій они обязываются передавать на судъ корон. гетмана, какъ своего „старшого“. Дальше идти было некуда—козаки, постоянно враждуя между собой, стремясь къ богатству и власти, ища опоры и защиты въ своихъ стремленіяхъ, сами отдаются во власть польскихъ королей, ихъ старость и гетмановъ; число такихъ сторонниковъ Польши, готовыхъ, по выраженію московскихъ воеводъ, „обляшиться“, склонныхъ принять или уже принявшихъ унію („унейщиковъ“) доходитъ въ 1632 г. до 1900 человекъ, по донесе-

¹⁾ Богд. Хмельн., I, 62.

²⁾ Величко, IV, 274.

ніямъ этихъ воеводъ¹⁾); другая часть также богатаго козачества, „лучшіе“, „письменные“ люди, прогоняетъ ихъ съ рады и дѣйствуетъ за одно съ посольствомъ; такія взаимныя отношенія между козаками были явленіемъ раннимъ и никогда не прекращавшимся. Естественно, что они-то и были главной причиной распаденія малорусскаго козачества на регестровое и запорожское, причиной внутренней борьбы одного съ другимъ и, въ частности, между собой и приводили ихъ къ добровольному признанію надъ собой власти польскихъ старостъ и гетмановъ.

Но если козачество само стремилось въ регестръ, если оно шло добровольно подъ власть Польши, то въ чемъ же выражалось право надъ нимъ послѣдней и каковы были ихъ взаимныя отношенія?

Записываніе себя въ регестръ, какъ мы сказали, имѣло для козаковъ ту выгоду, что оно обезпечивало имъ право землевладѣнія и приносило жалованье, подъ условіемъ несенія военной службы; дальше этого подчиненіе не шло; козаки только тогда и шли на войну за польскими вождями, когда получали жалованье; они были какъ бы наемнымъ войскомъ, какихъ тогда не мало было въ Европѣ. Стороженко, Сагайдачный, Дорошенко и друг., напр.,—всѣ требуютъ или обезпеченія своихъ правъ или денегъ²⁾. Тѣмъ не менѣе однакоже, служа Польшѣ, какъ наемное войско, они удерживали свою политическую особность и пользовались правомъ военной поддержки того или другаго государства; такъ, они поддерживаютъ самозванцевъ, стремящихся овладѣть престолами: молдавскимъ (Петра Волошина и Константина Локусту въ 1578 г.), московскимъ (Лжедмитрія) и царградскимъ (Александра Ахію въ 1625 г.), оказываютъ военную помощь Молдавіи (Свирчовскій), Германіи (въ 1594 г. при Рудольфѣ II) и Швеціи (при Густавѣ Адольфѣ въ 1630 г.), самостоятельно ведутъ войны съ сосѣдями: поляками, татарами и волохами и вступаютъ съ нами въ договоры, какъ равные съ равными (съ поляками и татарами), стараются посадить своего гетмана на княжескій столъ (Ивана Подкову въ Молдавіи); правительства сосѣднихъ государствъ Польскаго и Московскаго сами, въ свою очередь, то признаютъ подчиненность себѣ козачества, то отказываются отъ него; напр., польскій посоль

¹⁾ А. М. Г., I, № 436, стр. 409—411.

²⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. III, т. I, стр. 14.—Чтенія въ И. О. Н. Д., VII, отд. III, стр. 69—72.—А. М. Г. I, 215.

въ Крыму въ 1578 г. Мартинъ Броневскій сваливаетъ вину за козацкіе походы и разореніе татаръ на московское правительство¹⁾, а въ 1601 г. тоже повторяетъ въ Константинополѣ другой посолъ Польши Янъ Пясочинскій; Эрнхъ Лассота въ своихъ запискахъ прямо говоритъ о зависимости козаковъ отъ московскихъ государей; въ 1620 году царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ грамотѣ, данной Сагайдачному, указываетъ на прежнюю вѣрную службу ему запорожцевъ, а между тѣмъ послѣдніе въ слѣдующемъ году входятъ уже въ союзъ съ Польшей, какъ и раньше поддерживая ее, и сражаются противъ московскихъ войскъ; къ 1639 году относится грамота Мих. Ѳеодоровича съ упреками запорожскому гетману и полковникамъ за учиненную ими измѣну царю²⁾.

Въ тяжелую годину бѣдствій угнетаемое поляками полусвободное днѣпровское козачество съ надеждой смотритъ на московскаго государя и отъ него ожидаетъ защиты и покровительства; такъ, напр., объ этомъ просилъ царя Сагайдачный въ 1620 г.; гетманъ Дорошенко въ 1627 г. объявилъ польскимъ посламъ, что онъ пойдетъ со всѣмъ войскомъ служить московскому государю; въ 1632 г., когда положеніе козачества стало еще тяжеле, то всѣ собравшіеся на раду и лучшіе и худшіе люди постановили просить царя, чтобы онъ ихъ пожаловалъ и подъ свою государеву руку принялъ³⁾. Мы не говоримъ о единичныхъ переходахъ и переселеніяхъ цѣлыхъ сотенъ козацкихъ семей на территорію Московскаго государства, какъ о фактѣ достаточно уже извѣстномъ. Такъ поступать и такъ распоряжаться своими дѣйствіями, отношеніями и имуществомъ могла лишь народность сколько-нибудь свободная; понятіе о независимости козачества господствовало и въ средѣ польскаго общества; хроникеры, усвоившіе себѣ оффиціальную точку зрѣнія на козачество⁴⁾, считаютъ необходимымъ разубѣдить въ томъ своихъ соотечественниковъ, изъ которыхъ весьма многіе, „не знающіе дѣла“ будто-бы, считаютъ козаковъ народомъ, владѣющимъ собственными

¹⁾ Rapow. Henr. Wal i Stef. Bat., 409.—Костомаровъ, Богд. Хмел., I, 55.

²⁾ Опись малорос. дѣлъ, св. 3, № 2, главнаго Москов. архива министерства иностранныхъ дѣлъ.—П. Кулишъ, Мат. по ист. возр. Руси, I, 92—99.

³⁾ А. М. Г., I, стр. 411.

⁴⁾ „Et praemonemus, ne quis erret in nomine cosacorum, ut plurimi, rerum ignari, putant esse gentem propriis terrarum terminis et proprio reipublicae vel tetrarchiae statu consistentem“ (Памятники древней письменности, т. LXVIII, вып. 5-й за 1887 г.).

землями и живущимъ въ собственномъ государствѣ или тетрархіи¹⁾, какъ дѣлаетъ это, напр. перемышльскій бискупъ Павелъ Пясецкій (1604—1618). Только доведенное до крайности гнетомъ старость и пановъ вольное козачество сплачивается съ остальнымъ русскимъ православнымъ населеніемъ во-едино, безъ различія интересовъ, забывъ свои домашніе счеты, и сбрасываетъ ярмо „людской неволи“, которое наложили на него желавшіе „обляшиться“ „унейщики“, сплачивается подъ предводительствомъ вышедшаго изъ „лучшихъ людей“ „письменнаго“ козака Богдана Хмельницкаго, который, говоря въ своемъ универсалѣ²⁾, что старосты королевскіе и паны „старинныя поля и выробленныя нивы, отчизны, гумна, мельницы и все козацкое, що есть въ уподобаню, выдирають; отбирають быдло; одесятствуютъ пчолы; конѣ послѣдніе, которыми въ войску служатъ, отыймуютъ; а скаржитися не годится: просьбы за гордыню, жалобы и слезы за бунты имѣють“; что „полны козаковъ темницы, иные явны тернятъ узы на тѣлѣ“, и что „безъ жадной вины, хоба за маетки свои смерть поносятъ“³⁾, выразилъ въ этихъ характерныхъ словахъ и основу козацкой жизни, и намѣренія шляхты по отношенію къ козачеству, и ближайшія причины начатой въ 1648 г. козаками войны съ поляками.

И. Каманинъ.

¹⁾ Нѣтъ-ли въ словѣ „тетрархіа“—четверовластіе—намекъ на существовавшія не задолго до того отдѣльными козацкіи общины—„товариства“: кievское, каневское, черкасское, чигиринское, о чемъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ?

²⁾ Акты Запад. Рос., т. V, стр. 80, № 25.

³⁾ Акты Москов. госуд.—ва также очень часто отличаютъ козаковъ, какъ и всѣхъ малороссовъ вообще, именовъ „черкасовъ“, „черкашанъ“, разумѣя подъ нимъ народность отличную отъ „польскихъ и литовскихъ людей“.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Акты, касающіеся спорнаго между Кіево-Печерскимъ монастыремъ и козаками хутора Бузукова, „въ Черкасѣхъ“,—1494—1651 и.

1) Духовное завѣщаніе п. Ивана Лисиченка Кіево-Печерскому монастырю на своего наследственнаго крестьянина Θεодора въ с. Ремизовичахъ (Овруч. пов.), съ земельными его владѣніями и денежными платежами, а также на селище Бузуково, „въ Черкасѣхъ“, со всѣми доходами,—5 января 1494—1509 гг.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Се я, рабъ Божій, Иван Лисиченко, записываю по своей душе у вечистый сорокоустъ на Пречистой домъ челоуѣка своего отчизнаго, на имя Θεодора у Ремезовичах, з данми и землями, и селищи, и сеножатми, и с ыншими доходы, што к тому прислухало; а тотъ челоуѣкъ дана даетъ пят ведерець меду кіевской меры да сорокъ грошей; а в Черкасехъ селище мое Бузуково и з землями, и сеножатми, и с пасеками, и с ыншими доходы, што к тому прислухало, на Пречистой домъ. А при томъ былъ пан Сенко Полозовичъ, староста врудскій; а отецъ мой духовный панъ Еремей, настоятель святаго Николы; а панъ Яцко Мизиновичъ; а панъ Счастый Полозович; а панъ Немира Гризскѣвич; а панъ Давидъ Ходкевичъ. А про лишую справедливость просили в билі есмо чоломъ пану Сенку Полозовичю, старостѣ врудцкому, а отцу нашему духовному Еремѣю, абы ихъ милость печати свои приложили к сему нашему листу.

Писан в Овручомъ, генваря 5-го дня, индикта 12-го.

Уподлинной крепости печатей двѣ.

Рукопись Церковно-археолог. музея при Кіев. дух. академіи; въ „Описаніи рукописей“ (изд. I, стр. 197) она овлачена кодъ № 217, л. 313.

2) Записъ п. Анны Лисиченковой объ исполненіи и подтвержденіи ею завѣщанія своего мужа, отписавшаго на Кіево-Печерскій монастырь крестьянина Теодора въ с. Ремизовичахъ (Овруч. пов.) и селище Бузуково, „въ Черкасѣхъ“,—5 сентября 1494—1509 гг.

Я, Болгаковая Лисичинковая, Анна, визнаваю симъ моимъ листомъ тое, штожь панъ небощикъ, панъ Булгакъ, отходячи сего свѣта, отписалъ въ духовницы своей на Пресвятую Богоматерь Печерскую человѣка своего отчизного, на имя Теодора у Ремезовичах, зъ данми и землями, и селищи, и сеножатми, и съ ыншими доходы, што къ тому прислушало; а тогъ человѣкъ дани даетъ пять ведръ меду кіевской мѣры да сорокъ грошей; въ Черкасехъ селище Бузуково и зъ землями, и сеножатми, и пасеками, и зъ ыншими доходы, што къ тому преслушало, на Пресветой домъ; що я тое после пана своего небощика сполнила и, особливо листъ списавши, ведлугъ духовницы пана своего, оддала есми Пресвятой Богоматери; а духовницы есмы по себѣ не дала для иншихъ речей; а на твердость того и печать есмы приложила къ сему моему листу.

Писанъ въ Овручомъ, семтеврїа 5-го дня, индикта 12.

У сей крепости печать одна.

Рукопись Церковно археологич. музея при Кіев. дух. академіи; въ „Описаніи рукописей“ (вып. I, стр. 197) ова означена подъ № 217, л 313 об.

3) Грамота короля Сигизмунда I, съ приказомъ черкасскому и каневскому старостѣ Евстафію Дашкевичу не требовать никакихъ платежей и повинностей съ имущества и крестьянъ Кіево-Печерскаго монастыря, живущихъ на селищѣ Бузуковѣ,—29 апрѣля 1529 года.

Жигимонтъ, Божією милостію король полскій, велккій князь литовскій, рускій, прускій, жмодцкій и инныхъ,—старостѣ черкасскому и каневскому пану Остаю Дашковичю: прислалъ къ намъ архимандритъ монастыря Печерского Пречестной Богоматере съ Кіева Антоній, жалуючи о томъ, што жъ дей которые люди монастыря

Печерского святой Пречистой Матери¹⁾. . . . тамъ у Черкасехъ и въ Каневе, а къ тому пасеки и озера, и бобровые гоны, и ты дей отъ колко годовъ съ тыхъ людей архимандричихъ дан и инные всякіе доходы кажешъ на себе брати и озера волочити, и бобровые гоны велишъ гонити, и съ пасекъ его на себе платъ берешъ; и коли дей архимандритъ пошлетъ тамъ слугъ своихъ съ тыхъ людей доходовъ выбирать,—и ты дей велишъ тыхъ слугъ его бити и въ (вязе не?) ихъ сажаешъ, и инные дей кривды и утиски тому монастырю отъ тебе ся дѣють. Прото, кгдажъ здавна тые люди и пасеки, и озера, и бобровые гоны (суть) того монастыря Печерского, приказуемъ тобѣ, абы еси въ тые люди его нечим ся не уступовалъ, и съ нихъ даня на себе не бралъ, и озеро его волочити и бобровыхъ гонъ гонити не казалъ, и съ пасекъ плату не бралъ, и инныхъ кривдъ и утисковъ тому монастырю Печерскому ни въ чемъ еси не дѣлалъ и далъ ему въ томъ во всемъ покой; а которое бы тобѣ было до него дѣло, и ты бы въ томъ съ нимъ правомъ ся обходилъ конечно.

Писанъ въ Вилне, подъ лѣто Божого вароженія 1529, мѣсяца апреля 29 дня, индикту 2.

У подлинной крѣпости печать одна.

Рукопись Церковно-археологич. музея при Кіевск. дух. академіи; въ „Описаніи рукописей“ (вып. I, стр. 197) она означена подъ № 217, л. 314.

Примѣч. Настоящій актъ имѣетъ слѣдующій заголовокъ: „Копія пришею королевского на Бузуково“.

4) Универсалъ запорожскаго гетмана Григорія Савича Чорнаго, съ запрещеніемъ козакамъ нарушать права Кіево-Печерскаго монастыря на владѣніе въ Черкасскомъ староствѣ земель и лѣсомъ, — 28 февраля 1630 г.

Мы, Григорей Савичъ Чорный, гетманъ, полковники, сотники, *атаманы* войска его королевской милости Запорожскаго, подчасъ конкюзій комисіи зѣхавшия до Кіева—всемъ въобецъ и каждому з особна паномъ товарищомъ нашимъ войска его королевской милости Запорожскаго, которые суть в приповеди до служби его королевской милости ц Речи-посполитое захованы, обывателемъ черкасскимъ,

¹⁾ Здѣсь, очевидно, перепечаткою прошлаго вѣка пропущено или неразобрано нѣсколько словъ подлинника.

доброто здоровіа!—Вы, от Господа Бога повеншовавши, вѣдомо чинимъ: перекладаю пред нами нерешкою яснѣ в Бозѣ превелебный отец его милость панъ Петръ Могила, воеводичъ земель Молдавских, милостию Божию архимандритъ, со всею еже о Христе братією свѣтѣе великое чюдотворное Печерское Кіевское Лавры, же вы в пасецѣ монастыря Печерского, которая лежит в грунтамъ в старостве Черкасскомъ, за привилеемъ его королевской милости пана нашего милостиваго, великіе перешкоды чините: без вѣдомости его милости і того там брата (который на тот час тамъ вгрунтѣмъ и пасекою заведовати будетъ), в кгрунты вдершисе, лѣсъ пустошите и брата, который высланный бываесть, зневажаесть, што се дѣесть противко воли самого Бога и самого нашего сумленія, же, мѣсто помноженныя церкви Божей, сами оную ущебрѣаемъ. Прего повагою комиссіи сее, владою гетманства моего и всего войска срого розказуемъ, абысте каждый из вас в кгрунтъ помененого монастыря Печерского вступу жадного не мезь и в лис без воли и листу его милости отца архимандрита и ногою не вступовалъ; а естлибы который из васъ противнымъ и упорнымъ против сего листовного заказа нашего знайдовалсе, таковой каждый судового карани от всего войска не увоидеть, иначей не чинечи конечнѣ, што, такъ ствердивши, при печати войсковой писарю войсковому подписатисе казалисмо.

Дѣяlose в Кіевѣ, феврала 28-го дня, 1630-го року.

Константы Волкъ, писар войсковый.

У сего листа печат одна.

Рукопись Церковно археологич. музея при Кіев дух. академіи: въ „Описаніи рукописей“ (вып. 1. стр. 197) она означена подъ № 217, л. 316.

5) Универсалъ запорожскаго гетмана Богдана Хмельницкаго, съ запрещеніемъ козакамъ нарушати право Кіево-Печерскаго монастыря на владѣніе при хуторѣ Бузуковѣ землями и лѣсомъ, — 5 декабря 1651 г.

Богдан Хмельницкій з войскомъ его королевской милости Запорожскимъ—ознаймемъ симъ писаніемъ нашимъ атаманови харковскому, также и ловатинскому, и всимъ обывателямъ: дошла до насъ скар-

га и вѣдомость, ижъ вы в пасецѣ монастыря Печерского и кгрунтах оутора их Бузукова, тамъ поблизу васъ будучихъ, чернцомъ великую кривду и перешкоду чините, что мы, выдаючи уневерсали, от килка десять лѣтъ и прошлых гетманов войска нашего Запорожскаго на тот грунтъ наданые, жебы вцале былъ захованый, рассказуемъ вамъ под срокгимъ войсковым каранемъ, абысте жадной в тых ихъ кгрунтахъ и паседе и наименшой кривды чинити не важился; а которые бы, мимо сей нашъ уневерсаль, мели якую кривду учинить, мы вамъ, атаманомъ, рассказуемъ без оолги карати сурово, бо перед тымъ товариство наше, на мори здобываючися, на домъ Божий надавали, а тепер вы добра церковные шарпаете; повторе под срокгостю войсковою рассказуемъ, абы иначе не было; также и¹⁾ которые там ставятъ чернцы на виживѣне свое, ежелибы мѣли псовать, теды неомылно кождый таковый за наименшою скаргою горломъ каран будетъ.

Дан з Чигирива; 5-го декабря, року 1651-го.

Богдан Хмелницкій, рука власная.

У сего неверсала печать одна.

Рукопись Церковно-археологич. музея при Кіев. дух. академіи; въ „Описаніи рукописей“ (вып. I, стр. 197) она означена подъ № 217, л. 318.

II.

Жалованная грамота короля Сигизмунда - Августа землянину, шляхетному козаку Емельяну Ивановичу, подъ условіемъ исполненія военной службы, на землю Сиверу по обоимъ сторонамъ р. Ворсклы, — 4 октября 1571 г.

Жикгимонт - Август, etc. — Ознаймуем сим нашим листомъ всимъ посполите и кождому зъ особна, вивнешьянимъ и на потомъ будучимъ, кому будетъ потреба того вѣдати: билъ намъ чоломъ шляхетный Омельян Ивановичъ, землянин нашъ, и просилъ насъ абыхмо ласку нашу господарскую над нимъ повазали а за службы его, которые он намъ зъ себе от немалого часу на той Украине показуеть, гдеж и на сес час вязневъ непріятельских татарина сам от

¹⁾ Замяненное точками слово не разобрано.

себе и от всихъ товаришовъ своихъ, козаковъ низовыхъ, намъ отдалъ,—землю входную Северу за Черкасы у двадцати миляхъ, то есть, почавши от Санчаровского перевозу на реце Ворскли шляху татарского, на низ тою рекою Ворсклом, къ устью речки Полузори которая с поля, з Московское стороны, с правое руки приходит и въ Ворскло въпадываетъ, а оттоль Ворсклом до речки Кустови, которая теж с поля от Орды злева тамъ же впадаетъ, и зась Ворскломъ аж до рубежа Степана Жарковича Артемъковых Песков, по обудву сторонах тое речки Ворскла, зо всими кгрунты, пожитки ихъ и належностями, яко ся тая земля Север здавна в себе маеть, ему самому, жоне и дочкамъ его Гасьце и Черни; а еслибы он сыновъ еще мель, тогда, отдаливъши от тыхъ девокъ, тымъ сыномъ и потомкомъ их на вечность дали и тымъ пожаловали; за которым, же и вельможный Юрий Язловецкий з Бучача, воевода руский, гетман коруны наше, староста любичевский, хмельницкий и чирвоноградский, до нас в причине пасал, залецаючи намъ верные и годные службы его. А такъ мы, з ласки наше господарское, на причину пана воеводы руского и бачачи тежъ на службы и чоломъ битье того слуги нашего Омеляна, то есмо учинили, а оную землю входную на имя Северу ему самому, жоне и девкам его Гасце и Черни, а еслибы онъ сыны мель, тогда, заховуючи преднейшее право по мечу, сыномъ его, также детемъ и потомком их, ленным правомъ мужского рожаю дали есмо и симъ листом нашимъ даемъ на вечность, а девки его преречоные Гаска и Черня вжо до тое земли некоторого права мети не мають и от нее отпадаютъ. Маеть Омелянъ Ивановичъ самъ, его жона, такъ же дети и потомъки его властные, тым правомъ и порядкомъ оную землю Северу по обудвух сторонахъ реки Ворскла, яко ся вышей поменило, почавши от шляху Санчаровского на низ рекою Ворсклею аж до рубежа Жарковича Артемковых Песков, зо всими землями, кгрунты, з боры, з ласы, з деревом бортным, з реками, а меновите, з речками Полузорою и Кустовью, з озеры, з ловы звериными, пташими, рыбными, з бобровыми гоны и зо всими доходы, пожитки и ихъ належностями, так долго и широко, яко ся тая земля Севера сама в себе в границах, пожитках и обыходех своихъ здавна и на сесь час маеть, держати и уживати, прибавляти, ровширати и всякие пожитки себе тамъ розмножати. А вжо от сего часу врадники наши, старостове

черкаские, и никто иной в том ему и потомкомъ его никоторое переказы чинити и зступовати ся в то ничим не мають, одно, же повиненъ будетъ Омелянъ с теми потомками своими нам, господарю, и потомком нашимъ, королем полским, с того службу нашу господарскую служити, на то дали есмо Омеляну Ивановичу сесь наш листъ, до которого на твердость и печать нашу привесити есмо велели.

Писан у Варшаве, дня четвертаго мѣсяца октября, лета Бож. нарож. 1571, панованя нашего року 42.

Подпис руки его кр. милости.

Кв. Записей короныхъ № 1. л. 215, хранящаяся въ Москов. архивѣ министерства юстиціи.

Заглавіе этого документа таково: „Даяна Омеляну Ивановичу на землю Северу за Черкасы“.

Примѣч. Грамота эта 15 апрѣля 1574 г. была подтверждена въ Краковѣ королемъ Генрихомъ и записана въ книгу № 3, на оборотѣ 3-го листа, подъ заглавіемъ „Потверженіе Омеляну козаку на землю Северу за Черкасы“ (Текстъ грамоты начинается словами: „Билъ намъ чоломъ шляхетный Омелянъ Ивановичъ, землянинъ нашъ“ и т. д., какъ и выше).

III.

Акты на землевладѣніе козаковъ Волевачей,—1600—1630 и.

1) Духовное завѣщаніе козака Тишка Волевача на земли, лѣса, поля и сѣнокосы, а также движимое имущество и долги въ пользу жены и сыновей, — 8 августа 1600 года.

Во име Отца і Сына и Светаго Духа, Светія Живоначальнія и Нероздѣлѣнія Тройца, стается реч у вечной памяти. Амень.

Я, рабъ Божій Тишъко Федоровичъ Волевачъ, обыватель и козакъ чигринский, будучи мнѣ отъ Господа Бога навежоному хоробою и лежачому на постели смертной, при конци живота моего, пишу сей мой тестаментъ за доброй памяти и зуполного розуму моего и, будучи ни от кого намовенній и ни примушаний, тилько по доброй волѣ своей, напродъ полецаю душу мою грѣшную Господу Богу, а тело мое ко погребенію земному, отдаю се у в опеку

—амень—сину моему Антону; онъ меетъ по смерти моей тело мое похоронити и душу мою грѣшную поменути ведлугъ закону христіанского.

Напрод отписую двор свой властный, въ Чигрине будущій, в котором и живу, жонѣ моей Маріи из мизинимъ синомъ Иванцемъ и зо всѣмъ господарскимъ подсудкомъ; пасеку будущую на Чутцѣ, с пчелами и дванадцятма байрачкама, с полемъ пахотнимъ и сенокосами, взявши зъ усте Чутки, отъ Ирвлее ажъ до привороте леса Чутя, где Германовскіе байраки в Чутку речьку потекли, и хуторъ, тамъ же будущій, з бидломъ и овцами; коней два табуне з двома жеребцами вороним и гнедим; грошей тисеча копъ; казановъ шесть—женѣ моей Маріи из синомъ Иванцемъ; пасека въ Мотренине, по-надъ Еничемъ лѣсъ съ подлесем, съ сеножатми и пахотнимъ полемъ; зъ екой пасеки и Суботровка речка вийшла; пчель въ оной стодвадцет,—то синови моему Антону; а тотъ грунтъ купленъ небожчикомъ дедомъ моимъ Іаковомъ Волевачемъ, отъ Ивана Безмольного, на який і запис имѣемъ; тому жъ синовѣ моему петсоть копъ грошей доброй монети; хутор на Березовце по поламъ з Андреемъ; Антону—рогатое бидло и овци пополамъ; коней по табуну и по жеребцу половому и рижому синамъ Антону и Андрею; Волевачевскіе байраки, якихъ меемъ восемь, с полемъ по-надъ Цибулникомъ пахотнимъ и сеножатми, по обадва бока речки Цибулника лежачими, зъ нижшей головы, въ зідши от жбира, гдѣ могила, и от Грузкой балки, и от малого круглого озерце мало не до скель оніе сеножати и пахотное поле, въ техъ Волевачевскихъ байракахъ пасека с пчелами,—то все синови моему Андрею и петсоть копъ грошей; і тіе Волевачевскіе предкомъ моимъ все сенокосніе и пахотніе заходи и байраки, за гроши здавна набитіе, поле пахотніе и сенокоси, яко-то у Калантаеве, такъ і на Чуте, синамъ моимъ Антону и Андрею; петдесять дежокъ меду—то третцетъ женѣ моей из синомъ малимъ, а по десет болшимъ: Антону и Андрею; янъчарекъ добрихъ под сребромъ по две, а по пет ручницъ куждому сину; одежою и сребними чарьками равне меют поделитсе; невесткамъ двомъ Вотце... и Гапце по ярмаку хвалендишовом из злоцестими потреби и по едамашко... да по позлоцѣстомъ поесу, единой ис червоними, а другой из зеленими..... попамъ Свето-Спаскому и Пречискому да третему Петровскому (на поми)наніе по двадцети копъ грошей, да на церкви по сороку копъ.... на все три; а где жене своей

сказалъ гроши,—то при конце своем.... не воле мееть по ровной части дѣтемъ отказат, також на поминаніе за душе и на церкви роздать по волѣ своей; хѣте теж мене.... (виненъ?),—мееть жена себе виправит: первей, Кузма Кривец копѣ сто грошей; Иванъ Соленикъ полтора ста две копи; Якимъ Довгополий пет сотѣ копѣ виненъ грошей; Супрунъ виненъ, що Безнеску держит, сорокъ копѣ грошей; Жукъ Белий виненъ тридцет пет копѣ грошей, застава его—жепанъ аксамитный чирвоний; Пшенична Керилова винна семпадцетѣ копѣ грошей; Павелъ Снитка виненъ дванадцетѣ копѣ грошей; Якимъ Чернишенко виненъ тридцетѣ копѣ грошей; Иванъ Момоть виненъ сорокъ копѣ грошей; Семень Турчинець петдесятѣ копѣ грошей; Харко Гущенко виненъ чѣтыри десет золотыхъ; мещане винѣни шесть десет копѣ грошей,—брал Коваленко Юско да Бондаренко; Скрипчишины дочки винни десет копѣ грошей; а большѣ того ни мѣне ни я ничего никому не виненъ, тилко Господу Богу душею моею грешнею; а хтоби мел по смерти моее ув убогую маестност мою въ опекуновъ моихъ отбират, позиват и духовницу мою косовати, приводити тотѣ се зо мною розсудити на ономъ свете, на страшномъ суде Христове, предѣ Судією нелицемернемъ.

При которомъ писанію и справованню сеей духовници моее были люди добріе вери годніе козаки и мещане чигринскіе, того добре сведоміе: панъ Терешко Кременчукъ, Харко Гущинскій; а дле лучшее вери и стверженія сеей духовной моей, за прозбою моею, панъ Михайло Лавриковичъ, атаманъ чигринскій, печать свою мескую чегринскую до сее духовнице моее приложил¹⁾, а писарь руку свою подписалъ.

Писано въ Чегрине.

Року 1600-го, месеце августа 8 дне.

Михайло Щелищинскій, писарь чегринскій, рукою вл.

Изъ отдѣльныхъ документовъ Кіев. централ. архива.

¹⁾ Печать не сохранилась; осталось лишь коричневаго цвѣта пятно отъ сургуча.

2) Запись о продажѣ козакомъ Максимомъ Михайловичемъ Плоскаго лѣса со всѣми землями, полями, сѣнокосами и проч. значному регестровому козаку Ивану Волевачу,—5 марта 1615 г.

Я, Максимъ Михайловичъ. козакъ и обиватель мѣста Чегерина, весполь и з малжонкою своею, з Анною, а (дочкою?) бывшего небожчика Якимъ Довгополого, козака и обивателя меского чегеринского, чинимо ведомо симъ листомъ квитованнимъ, от насъ даннимъ пану Ивану Волювачу, значному рейстровому козаку и обивателю мескому чегеринскому, на Плоскій лесъ, зо всѣми околичными принадлежностями, отъ вершини Цибулника речки, з речкою Говвянкою, до устья, где потекла в речку Ингулецъ; таможь и плеса рыбніе по Ингульцу от устя Говвянки до устя речки Макаровки, из сѣнокосами, ис степнимъ полем и пахатнимъ, и с поселеніемъ людей; до якого Плоского лѣса повинно битъ дванадцят байраковъ, без малих байрачковъ, дай речка Цибульникъ, яка вийшла спод Плоского леса, обѣ вершини зойшедшия повинни битъ тожь съ поселеніемъ людей и сѣновосами по оба боки, с пахатним и степним полем до скель и далѣе; и той вижеписаній грунтъ зо всѣми угодіями продолемъ его милости пану Волювачу, жоне и потомкамъ его у вечность за добру монету литовской личьби за тисечъ две копъ грошей без десяти; я тежь себе, жену и потомковъ моихъ и покровеннихъ, ближних и далних, печье отдаляю, а ему пану Волювачу на пасечѣ яко у Плоскомъ лесе, такъ и въ иших байраках и байрачках, и во всѣх тамо принадлежностяхъ, якъ хотя користоватсе, надъ поселеніемъ и людей надмовляти, (над ловлями?) рыбними и зверними, над полем пахатним и степним, и сеножатми, и въ пасекахъ пчелу плодити и присади садити, яко то ко наилучшему пожитку своему догажати и розширати, и людей розмножувати, яко у своем власномъ; а хтеби мель ему, пану Волевачу, перешкоду чинити, будемъ обстояват; при сеей продажи и куплѣ били значніе реестровіе козаки и обивателѣ чегеринскіе панъ Якимъ Чернишенко, панъ Романъ Бешта и ишихъ било козаковъ товариства не мало. А для лучшей твердости и вери сего листу квитованного, отъ насъ ему данного, упросилисмо о приложенія печати товариское чегеринское пана Хведора Кузминского,

чегиринського атамана, што его милость на прозбу учинил и печать товарискую чегиринскую приложити рачилъ.

Писапъ у Чегерине, тисеча шессотъ пятогонадесят году, месеци марта петого дня.

Михаило Щилипинскій, писаръ чигиринскій, рукою вл. м. п.

Изъ отдѣльныхъ документовъ Кіев. централн. архива.

3) Запись о продажѣ вдовой козачкой Феодорой Андреевой пасѣки съ лѣсомъ по р. Макаровкѣ и сѣнокоса по р. Ингульцу обозному Запорожскаго войска Ивану Волевачу,—26 сентября 1630(?) г.

Я, Феодора Яновна Андреевая, жителка чигринская, даю (писа)ніе мое его милости пану Ивану Волевачу, обозному войска Запорожского, а обивателевѣ чигиринскому, такъ сама отъ себе, яко и отъ покровнихъ моихъ, такъ и небожчика мужа моего, ижемъ зъ доброй волѣ моеи, не будучи ни от кого намовлена, продала пасеку свою съ лѣсомъ къ егоже (?), пана обознаго, лѣсу, прозиваемаго Плоского, вершини, къ рецѣ Макаровцѣ, зо всѣми принадлежностями: зъ байраками и байрачки, и изъ рѣчкою Макаровкою, от вершини до устя Макаровки, сѣнокоси тожъ к рецѣ Ингульцу съ хуторищемъ и с селищемъ людей, сѣнокосами и полемъ степнимъ по оба боки Ингульца и Макаровки, речокъ, с плесами, ловлями рыбними и зверними, за певную суму доброй монети литовской лечьби, за пят сотъ копъ грошей, и тотъ выжеписаній грунтъ, нѣ в чомъ нѣкому не певій и незаведенний, але власній мой от(чиз)ній; на що для лучшого свѣдѣцтва и вѣри даня даю сіе писаніе мое; при которомъ-то писанію били люде вѣри годніе: господинъ Стефанъ Святопречиский; панъ Феодоръ Калиновичъ, панъ Гаврило Коробка, обивателѣ чигринскіе; о що для лѣпшого вѣроятія упросила панѣ атамана, на тот часъ будучого въ Чигринѣ, Василя Томиловича о при(ложеніе) печати.

Печатанъ въ Чигринѣ, сентября 26.

. личъ. атаманъ чигринскій

. писаръ чигринскій, подписался

Изъ отдѣльныхъ документовъ Кіев. централ. архива.

Примѣч. Однимъ уголь этого документа вслѣдствіе ветхости бумаги оторвался и утратился вмѣстѣ съ печатью.

Подписка вознаго Василя Сосницкаго въ томъ, что онъ, за время отъ 1590 г. по 1597, а потомъ и по 1606 г., пересматривалъ житомирскія городскія книги съ цѣлью отысканія документовъ по дѣлу кievскаго подчашаго Лаврина Лозки и дв. Адама Олизара-Волчкевича и, между прочимъ, жалобы Волчкевича на козацкаго гетмана Григорія Лободу, силою будто-бы вынудившаго у него продажу с. Сотниковъ, но ни этой жалобы, ни другихъ документовъ не нашель,—
12 сентября 1606 г.

Року 1606, мѣсяца сентебря 12 дня.

На вряде его королевское милости замъку житомирского, передо мною, Даниелем Вышполским, подстароства житомирского, ставшы очевисто, возный енерал воеводства Киевского шляхетный Василей Сосницкий ку записованю до книг созналъ, водлуг того сознаня своего, квит под печатью и с подписомъ руки своее, писаный тыми словы, подал: Я, Василей Сосницкий, енерал возный, сознаваю тым моим квитом, иж року тепер идучого, тысяча шестсот шостого, мѣсяца сентебря 12 дня, ревидовал есми книги житомирскіе, почавшы от року деветдесятого аж до року деветдесят сегого, шукаючи справ, видимусов его милости пану Лаврину Лозце, подчашему кievскому, еслибы се коли его милость пан Адамъ Олизар Волчъкевич оповедал на Григоря Лободу, на он час гетмана козацкаго, (иж онъ) Грегорему Лободѣ через мус, кгвалтъ маетност свою село Сошники продат якобы мел; а другое справы, естли теж о туюж маетност тот же его милость пан Олизар позвы лкие по тогож пана Лозку через якогж бы колвекъ вознаго класти мел; а третее справы, естлибы панъ Ян Лозка кому част свою Жеребятинскую заставит мел; тых всих дей шукал естми справ в книгах замку житомирского, почавшы от року сего аж до року деветдесят сегого, нижли жадное с тых справ не нашель; и на то есми дал сознане мое до книг врядовых замку житомирского под печатью моею и с подписомъ руки моее.

Писан в Житомиру, року 1606, мѣсяца сентебря тогож выш описаного дня.

Которое очевидное сознание возного и квит его до книг вярдовых замку господарьского житомирского принято и записано ест.

Кн. Кіев. центр. арх. № 10, л. 431 об., актъ 489.

V.

Запись о продажъ Григоріемъ Фуртникомъ своего синокоса на р. Роси козаку Канону Мазнюченку,—27 ноября 1649 г.

Рову первая тысяча шест сот чотыри десят девятого, м—ца новембра двадцат сегого дня.

Предо мною, Михайлом Ивахнюкомъ, на тот часъ пулковником наказным корсунским, при бытности товариства козаковъ, обывателей корсунских, меновате: Федоръ Теля, Левко Трохименко, Северинъ Федурченко, Иван Галченко, Остапъ Бгомолченко, ставши очевидно, Григоръ Фуртникъ, посполу з жоною своею Марьею Даниловною, признали доброволне тыми словы: Пане пулковнику и в. мл. (козаки и обыватели корсунскіе)! Признаваемъ то, ижъ есмо продали синожат свою власную, никому ни в чомъ не певную, на томъ боку Роси, противку Каменицы Конопови Мазнюченкови, козакови а обыватели корсунскому, за суму певную копъ сорокъ личьбы литовской; которая сума зараз от Конопа вся сполне рукъ наших дойшла; которую то синожат вышьпомененную пуцаемо Конопови до спокойного уживаня вѣчьними часы такъ ему самому, жоци, яко и потомкомъ его; и вже от того часу сами себе отдаляемо, потомковъ наших и покровних наших, близькихъ и далекихъ; тымъ южь писанемъ нашимъ варуючи то, докладаемъ, еслибы кто колвекъ мил ея отозвати, задаючи турбацію Конопови за помененный проданный кгрунтъ, теди мы повипни будемъ в каждого суду своим коштом и накладом боронити и заступовати, що теди я, с товариствомъ своимъ вышь помененымъ, чувши доброволное признане продажи помененныхъ особъ, потребоучой стороны казалисмо на писми тот запис дати, с притисненем печати нашею и с подписом руки писарское. Писанъ въ Корсуню, року и дня вышьписанного.

При печати моеї казалець ся подписати: Михайло Ивахнюкъ, по лкувник вышъ поменений корсунский наказный.—Лаврентый Григориевичъ, писарь того листу, рукою власною.

Рукопись Церковно-археологич. музея при Кіев. духов. академіи; въ „Описаніи рукописей“ (вып. III, стр. 599) она означена подъ № 595.

VI.

*Квитовая записъ отъ имени запорожскаго реестрового козака Ивана Водяника о томъ, что онъ, получивъ удовлетвореніе, прекращаетъ претензіи къ вильскому старостъ, боярамъ, слугамъ и мѣщанамъ г. Вильска, принадлежащаго краковскому воеводъ, за ограбленіе у него, подъ предлогомъ неплатежа мимоходщины, движимаго имущества при переселеніи его, въ декабрь 1649 года, изъ с. Черницы на Украину,—
2 мая 1650 г.*

Року тысяча шестсотъ пятидесятого, мѣсяца мая второго дня.

На враде гродскомъ, въ замку его королевской милости житомерскомъ, предо мною, Даніелемъ Бильскимъ, наместникомъ житомерскимъ, становши очевисто, Иванъ Водяникъ, козакъ войска его королевской милости Запорозкого реестровый, для вписанія до книгъ нынешнихъ гродскихъ житомерскихъ подалъ и очевисто призналъ листъ, добровольный записъ свой квитовый, съ печатю и подписомъ руки урожноного пана Ивана Грибовского, на местцу моимъ, яко писать неумеючого, за прозбою моею подписаное, такъ тежъ съ печатями и съ подписомъ рукъ людей зацныхъ, на подписе нижей менованныхъ, отъ себе урожноному пану Янови Белецкому и ипшимъ въ томъ квите нижей менованымъ, въ речи нижей менованой данный и служацій, въ чомъ ширей тотъ квить речь въ себе обмовляетъ. Которого подавши и во всимъ оногo устнымъ очевистымъ и добровольнымъ сознаемъ своимъ ствердивши и змоцнивши, просилъ, абы былъ принятъ и до книгъ уписанъ; а такъ я, върядъ, оногo пріймуючи, читаломъ, и такъ въ себе, письмомъ польскимъ писанный, маеть:

Ja, Iwan Wodianik, kozak z wojska j. k. m. Zaporozkiego rejestrowy, jako zeznawajacy, a ja, Jan Grzybowski, będąc od jaśnie

wielmożnego jego mości pana wojewody kiiowskiego, commisarza, y od jego mości pana Bohdana Chmielnickiego, hetmana wojska jego królewskiej mości Zaporozkiego, starosty czyhiryńskiego, dla przysłuchania k przypatrzenia się czynienia dosyć pomienionemu Jwanowi Wodianyowi zesłany, co się mnie dotyczy Wodianika, odstąpiwszy swey należney jurisdiktycy y prawa woyskiego, a pod ten zapis mój kwitowny samego siebie, dobra, żonę y potomki moje cale poddaiąc, wiadomo czynimy i zeznawamy tym naszym kwitem, iż w roku niedawno przeszłym, tysiąc sześćset czterdziestym dziewiątym, pod czas swiąt ruskich Bożego Narodzenia, gdy szedł sz Czernice precz na Ukrainę przez miasto Wilsko, gdzie mi zabrano było w sposob mimochodszczyzny konie, bydło, suknie, pieniądze y insze fanty przez urodzonego jego miłość pana Jana Bieleckiego, starostę wilskiego, iako też przez szlachtę panów Jurewiczów Popławskich, także boiarów obywatelów, w kluczu Wilskim mieszkających, sług jasnie oświęconego xięcia jego mości pana wojewody krakowskiego y mieszczan wilskich. A iż mi się od tych wszystkich wysz mianowanych osób we wszystkim w tym zabranu do syt stało, tedy onych z odebrania wszystkich rzeczy czasy wiecznemi kwituie, wolnych czynie y drogę sobie do dochodzenia y znowienia y dalszego poparcia tey sprawy, także małżonce y potomkóm moim y inszym drogę na wszystkie przyszłe y potomne czasy zawieram.

Na co dla lepszey wiary y pewności uprosiłem od siebie, ponieważ sam pisać nie umiem, o podpis ręki jego mości pana Jana Grzybowskiego, iako na tę sprawę od jego mości pana wojewody kiiowskiego y od jego mości pana hetmana ze mną zesłanego, który imieniem moim y swoim do tego kwitu rękę podpisał. Do tego uprosiłem postronnych przyjaciół, dla większego swiadcetwa, sług wielmożnego jego mości pana starosty żytomirskiego, do teyże sprawy ze mną zesłanych, na podpisie rąk niżej mianowanych, którzy, za ustną y oczewistą prozbą moją, będąc tego wszystkiego wiadomi, pieczęci swe przyłożyc y ręce podpisać raczyli.

Działo się w Wilsku, roku tysiąc sześćset pięćdziesiątego, miesiąca maia pierwszego dnia.

У того квиту при печатехъ подпись рукъ теми словы: **именемъ** Ивана Водяника, который писати не уміеть, **именемъ** своимъ подписуюся: **Иванъ Грибовскій**, рукою **власною**.—Proszony pieczętarz

Marcin Tudorowiecki, гѣка свѣ.—Proszony pieczętarz Piotr Kłebowski.—Автоній Трубельскій, енераль.

Который же то квитъ, за подавемъ, очевистымъ признаемъ вышъ менованое особы, а за приняемъ моимъ урядовымъ, до книгъ винешнихъ градскихъ житомерскихъ есть уписавъ.

Ки. Киев. центр. арх. № 19. л. 200, актъ 151.

VII.

Добровольное соглашеніе запорожскихъ козаковъ братьевъ Супруна и Кирика Ступиченковъ о раздѣль между собой мельницы на р. Роси, наследованной отъ отца,—15 мая 1653 г.

Roku tysiąc szescset pięcdziesiąt trzeciego, dnia piętnastego miesiąca maja.

Przedemną, Maximem Nesterenkiem, pułkownikom woyska Zaporozkiego korsuńskim, przy bytnosci pana Lewka Bałakczyienka, ataman horodowy korsuński Misko Stadniczenko, Iwan Szangiryia, także y urząd mieski, mianowicie, Semen Bochniec, woit korsunski, Misko Cybulka, Andrey Skorobohacz, burmistrzowie korsunscy, y innych ludzi zacnych obywatelow korsunskich nie mało, stanowszy oczywiscie, przed nami sławetny Suprun Stupiczenko, kozak woyska Zaporozkiego, obywatel korsunski, zeznał przed nami wszystkimi tymi słowy, iż, panie pułkowniku y w. m. panowie sądowi, przyznawam ia to przed w. m., iż my, bracia rodzoni dwa s Kirykiem Stupiczenkiem, mając od oycy swego Wasilia Stupika młyn kupnym sposobem na rzecze Rosi na niższych łuhach za sume, iako w zapisie iest mianowano, nam od oycy danym,—tedy my, upatrzywszy rzecz słuszną, żeby między nami bracią turbacyi żadney nie było, uczynilismy ugodą taką między sobą, iż ia bratu swemu Kirykowi swoje polowice w tym młynie puscił czasy wiecznymi, a mnie na tymże gruncie postanowilismy drugi młyn zobopolno; tedy ia iuż powinien swego pilnowac, a Kiryk swego oyczystego, o który iuż nima miec żadnego przenagabania a ni turbacyi o te polowice tak ode mnie samego, iako od żony y potomkow moich czasy wiecznymi, ale go powinien zażywać tak sam, iako żona y potomkowie jego, spokojnie. Przy ktorej ugodzie naszej dobrowolnej

byli ludzie zacni, mienowicie, Hrycko Krywoboki y Hryn Kolos, kozacy woiska Zaporozkiego, obywatele korsunscy. Co my, słyszac dobrowolne zeznanie ugody braterskiey między sobą y kwitowanie ieden drugiego we młynach czasy wiecznymi, daiemy to pisanie nasze s przycisnieniem pieczenci pułkownikiey, także y woytowskiey, y s podpisem ręk.

Działo się w Korsuniu, rok y dnia z wysz mianowanego.

Максимъ Нестеренко, полковникъ, р. в.—Semen Bochniec, woyt korsunski.—Stephan Stocki, pisarz mieski korsunskij. м. п.

Рукопись Церковно-археологич. музея при Кіев. духовн. академіи; въ „Описаніи рукописей“ (вып. III, стр. 599) она означена подъ № 595.

VIII.

Запись о продажъ запорожскими козаками Васи́лемъ Куликомъ, Васи́лемъ Сопученкомъ, Андре́емъ Зубенкомъ и Яскомъ Москалемъ половины своего наследственнаго става въ с. Харьковцахъ, Переяславскаго полка, козаку Якову Цекулицкому,—21 мая 1655 г.

Року Божого тисеча шестсот пятьдесятъ пятого, м-ця мая двадцят першого дня.

На вряде местском, в ратушу переяславском, передъ нами, Θεодоромъ Пашкевичемъ войтомъ, Михайломъ Григоревичемъ Ревою рочнымъ бурмистромъ, Кириломъ Красовскимъ, Кондратомъ Цевкою, Иваномъ Лавриновичемъ, Кириломъ Совоновичомъ, райцами, и іншими всѣми райцами и лавниками для суженя справъ местскихъ в том року зуполне заседающими, персоналитеръ ставши, славетные панове Василь Куликъ, Васил Сопученко, Андрей Зубенко, Яско Москал, козаки войска его цар. вел. запорожские, полку Переяславского, обыватели харковские, для записаня до книг писавних местских переяславских явне, ясне и доброволне сознали тыми словами, ижъ мы половицу ставу свого власного отчистого, ни въ чомъ никому непевную и неваведеную, на селе Харьковцахъ, в певных межах и границах лежачую, намъ сукцесиве по небожчику отцу нашимъ спалую и належачую, и декретомъ его м. пана Павла Тетери, полковника войска его цар. вел. Запорозкого переяславского, межи нами а Иваномъ Степановичемъ ферованым и учиненым, нам

присуженую, з греблею, з вольным ловенем рыбь и зо всѣми пожитками и принадлежностями, здавна и теперь до того ставу належачими и з него преходячими, за певную готовую и рукодайную суму пenezей, то ест, за сто и десет золотых полских урожовому пану Яковови Пекулицкому, козакови войска его цар. вел. Запорозкого полку Переяславского, ему самому, малжонце и потомком албо сукцессором его на вечност продалисмо и до жетельной поссесией, вечистого держаня и уживаня, по одобраню од него тое всее суммы помененое, тую половицу ставу оному подали и поступилисмо; воленъ теда ест и будет менованый панъ Яковъ Пекулицкий тым ставомъ, яко своею власностю, шафовати и дыспоновати, кому хочечи продати, дати, даровати, заменить и записати и ведлуг найлепшого промыслу и уподобаня своего пожитки себе съ того ставу приспособляти и розмножати, в чом мы сами жадное перешкоды и перенагабаня въ держаню и уживаню онога ставу пану Яковови Пекулицкому, малжонце и потомкомъ албо сукцессоромъ его чинити и задавати не маемъ и не будемъ могли; а по насъ малжонкове и потомкове албо сукцессорове наши не мають и могти не будутъ и до жадное речи и найменшой до того ставу належачого утручатися и юж жадного вступу мы вси зобополне, и кождый з насъ особъ, и одець по смерти позосталый, не маем, и малжонки либо теж и потомки наши не мают часы вечными, але и овшемъ од вшеляких импедиментовъ правыхъ и неправныхъ, перешкод яких колвек и од кого колвек въ держаню и уживаню того ставу пана Якова Пекулицкого, либо теж кого колвек при нем и по нем держачого, заходячих своим власнымъ коштомъ и накладомъ у кожного суду, права и вряду обороняти и заступовати и тот ставъ уволняти и освобожати маемо и повинни будемо, а по насъ сукцессорове наши мають и повинни будутъ тыле кротъ, иле кротъ бы того потреба указовала, где и право свое, намъ на тот ставъ даное и служащее, до рукъ пану Яковови Пекулицкому отдалисмо и трансфундовали, а сами се с того ставу часы вечными зрекаемо так, иж жадного претевсту себе самимъ, жономъ, а ни потомкомъ нашимъ не зоставуючи, а то подъ закладомъ другое таковое жъ суммы ста и десяти золотых полских и под нагороженемъ шкодъ, за тымъ походячих.

И просилъ панъ Яковъ Пекулицкий, абы тое очевистое и добровольное сознание вышъ менованых особъ до книгъ было записано—

што и одержал; съ которыхъ и тотъ выписъ подь печатю нашею местскою радецкою переяславскою и съ подписомъ руки писарское естъ выданъ.

Писанъ въ ратушу переяславскомъ.

Михаилъ Борейковичъ, (М. П.) Корякговал с книгами,
писаръ местский переяслав- р. в.
ский, р. в.

Рукопись Церковно-археологич. музея при Кіев. дух. академіи; въ „Описаніи рукописей“ (вып. I, стр. 162) она означена подь № 216.

IX.

Выданная 28 марта 1646 г. выписъ изъ кіевскихъ городскихъ книгъ отъ 30 іюня 1582 г. грамоты короля Сигизмунда-Августа отъ 13 марта 1571 г., подтвержденной королемъ Стефаномъ Баторіемъ отъ 20 февраля 1581 г., пп. Данилу Гльбовину, Назару Тарасовичу и другимъ любецкимъ землянамъ на принадлежащія имъ дѣдовскія земли въ Любечскомъ староствѣ подь условіемъ несенія ими военной службы, — 30 іюня 1668 года.

Року тисеча шестсотъ шестдесятъ осмого, месяца іюня тридцатого дня.

На вряде вгородскомъ, в замъку его кролевской милости володимерскомъ, чередо мною, Томашомъ Савицъким, наместникомъ присяглымъ буркграбства и замъку володимерского, и книгами нинѣшъними вгородскими старостинскими, становъшы очевисто, урожоный панъ Марекъ Даничъ, екстрактъ з книгъ вгородскихъ воеводства Кіевъского, з уписанемъ в немъ листу его кролевское милости, або конъфирмаціи данины добръ певныхъ одъ наяснейшого Стефана, короля полского, въ томъ же привилею, або конъфирмаціи, нижей инъсерованомъ, менованымъ особомъ даный и с помененыхъ книгъ вгородскихъ кіевъскихъ автентыце выданный, для вписаня до книгъ нинѣшънихъ перъ обла-тамъ подалъ, такъ се в себе маючый:

Выписъ с книгъ вгородскихъ воеводства Кіевского. Року тисеча пятьсотъ осмъдесятъ второго, месяца юня тридцатого дня. Пришедшы до вряду его кролевской милости, передъ мене, Остафія Ивановича Ружыньского, наместника воеводства Кіевъского, зе-

менинъ господарский любецъкий на имя Данило Глебовичъ самъ одъ себе и од инъшихъ землянъ брати своее оповедалъ листъ данину его кролевской милости и просилъ, абы для часовъ припльхъ оный листъ у книги кгородские киевские уведень и вписанъ былъ, который такъ се в себе мае:

Стефанъ, Божю милостью король польский, великий князь литовъский, руский, пруский, мазовецъкий, жомоицъкий, киевъский, волинский, подляский, инфлянский и княжа седьмикгородское, —ознаймемо тым листомъ нашимъ всимъ в обецъ и кожъдому з особна, кому то ведать належытъ, ижъ указивалъ передъ нами земенинъ замъку нашего любецъкого Данило Глебовичъ самъ одъ себе и именемъ инныхъ землянъ нашихъ любецъкихъ, брати своее, листъ славное памети Жыкгмунта-Августа, короля, продка нашего, за печатю коронною, с подписомъ руки велможного Валентого Дебинского, канцлера коронного, имъ даный; в которомъ листе описует, ижъ король его милостъ подтвердитъ имъ рачыль тымъ то листомъ своимъ земли тые, меновите в томъ листе описаные, которые они власными отчизными своими бытъ меновали и на которые листы привилея належачые од (царя) Московъского забраными а инъные огнемъ згорелые бытъ поведели, яко то все шырей и достатечней на томъ листе естъ описано, который слово од слова такъ се въ себе мае:

Жыкгмунтъ-Августъ, Божю милостью король полский, великий князь литовъский, руский, пруский, мазовецъкий, жмодцкий, киевъский, волинский, подляский, инфлянский, панъ и дедичъ, —ознаймемо тымъ листомъ нашимъ всимъ вобецъ и кожъдому з особна, кому того ведати належытъ, нинешнимъ и на потомъ будучымъ; приходили до насъ земляне наши замъку нашего любецъкого на имя: Назаръ Тарасовичъ, который держытъ землю. названую Сельчанскую; Милко Бывалковичъ, который держытъ землю Кувечыцкую и островъ Билдьянский, Смолигову и Серехову; Демид Карновичъ, который держытъ землю Сельчанскую и Велитецъ и Семеничъ борокъ; Данило Глебовичъ Пероцъкий, который держытъ землю Пероцкую и островокъ Турисчъ и дуброву Черничына; Леско, Кондратъ и Демко Даничи, которые держатъ землю Пероцкуюжъ и островъ Творыговъский и Кривицы; Богушъ Жоглин, который держытъ землю Гаврыловчыну и роспашы свое дубровы Сереховское и Быковъсчыны из тертежемъ за Песчою и селисче Голков; Василий Семеновичъ Недавчыцъвий,

который держит землю Пенезевъсчызну; Остапъ Юрковичъ, который держит землю Голенасчовъскую; Богданъ а Лашко Репчычы, которые держатъ землю Пероцькую и дуброву власного тертежа их противъ Кривиць; Скугаръ Логвиновичъ, который держитъ землю Обыймицкую; Федко Антоновичъ, который держитъ землю Погорискую и Алексеевъскую; которыхъ земель вышъ описаныхъ кожъдшй з нихъ зособна своее ку службе нашої военной коня ставитъ; а ижъ дей листы и привилея, которые на тые земли свои отчызные мели, од неприятеля нашего Московъского з маетностями ихъ забраные суть, а инъшые за погоренемъ од огня в нихъ се зостати не могли,—и били намъ чоломъ, абыхмо тые земли отъ отчызны моцю нашою господарскою подтвердили и на то лист нашъ дати велели, за которымъ бы они тыхъ земель своихъ отчызныхъ безпечъне они сами, дети и потомки ихъ уживали, якожъ и староста нашъ тамошный любецъкий, урожоный Павель Ивановичъ Сацега, кашътелянь киевъский, поспол з ревизорми нашими тамошъними, о томъ за ними у причыне писали, поведаючи намъ то, ижъ они тыхъ земель своихъ отчызныхъ здавна ужывають и с того службу нашу военную годне и пожиточне на то Украине служат; а такъ мы, видечы прозбу ихъ слушъвую и маючи певную ведомостъ од старосты нашего тамошнего любецъкого, ижъ то ихъ земли выжей описаные власная отчызна есть, с которыхъ они, з давныхъ часовъ ужываючи, намъ, господару, с того службу нашу военную служат, з ласки нашео господарское тые вси вышей описаные имена и земли ихъ зо всимъ на вся, яко се тые земли ихъ з давныхъ часовъ сями в себе мают: з землями, пашъными, з боры, леси, сеножатми, с пасеками, з реками, з озеры, з бобровыми гоны и зо вьсими належъностями и пожитки, которые здавна ку тымъ землямъ ихъ прислухали, тымъ выжей мененымъ земляномъ нашимъ любецкимъ подтверждаемъ и умоцъняемъ тымъ нашимъ листомъ такъ, ижъ они тыхъ своихъ вышъописаныхъ земель, яко власную свою отчызну, мають держати и ужывати они сами, жоны, дети и потомки ихъ на вечъные часы, служачы и нам, господару, и Речи-посполитой, при томъ замъку нашомъ любецкомъ службу нашу земъскую военную, по тому яко инъшые земляне замъку нашего любецъкого служат, и инъшыхъ некоторыхъ повинностей и работъ до замъку нашего любецъкого полнити не повинны; ведъ же, если бы межы тыми землями ихъ выжей описаными земли, кгрунты albo якне пожитки и уходи, до того замъку нашего любецъкого здавна належачые, были, тые тепер и на потомъ ку замъку нашому держаны быти мают; а на сведецтво того всего вышъописаного и печать нашу коронную до

того листу нашего притиснути есмо розказали.—Дан в Варшаве, дня третегонадцат месяца марца, року Божого варожена тисеча пятсотъ семдесят первого, а панованя нашего сорокъ второго.—Валенты Дебинский, писар.—Реляция вельможного Валентого Дебинского з Дебянъ, канцлера короны Полское.

Биль намъ чоломъ преречоный Данило Глебовичъ сам од себе и именемъ инныхъ землян замъку нашего любецкого, меновите в листе короля Жыкмонта-Августа писаныхъ, абыхмо имъ листъ короля Жыкмонта-Августа, продка нашего, и земли, меновите на немъ описаные, подтвердили имъ нашимъ листомъ; и такъ, мы, прислухаючыся прозбе ихъ, листъ вышь описаный короля продка нашего и тые земли, меновите на немъ описаные, которыхъ если они здавна были и суть в уживаню и если то не естъ противно праву посполитому, подтверждамы и умоцнямы тымъ нинешнимъ листомъ нашимъ, хочечы то мети, абы тотъ листъ помененого короля, продка нашего, во всехъ речахъ и артикулахъ, въ немъ описаныхъ, всюды и на каждомъ местцу былъ тоемоу и важности, которые слушне водлугъ права бытъ маеть такъ, ижъ они тые вси вышь описаные земли, яко власную отчизну свою, мають держатъ и уживатъ они сами, жоны, дети и потомки ихъ власные вечными часы, служачы намъ и Речи-посполитой при томъ замъку нашемъ любецкомъ службу нашу земъскую военную, водлугъ давного звичаю, по тому яко иная шляхта замку нашего любецкого тымъ неуближаючы служатъ, ничьему праву и пожиткомъ здавна належачимъ до замку нашего любецкого тымъ неуближаючы; а на сведецтво того всего вышь описаного тотъ листъ рукою нашою подписалисмо и печатъ нашу коронную до него притиснутъ розказалисмо.—Данъ в Варшаве, на сейме валнымъ короннымъ, дня двадцатого месяца февраля, року тисеча пятсотъ осмьдесятъ первого, а кролованя нашего року пятого.—Стефанусъ, рексъ.—Яхимъ Высоцкый.

С которыхъ книгъ выписъ подъ печатю кгородскою киевскою року теперешънего тисеча шестсотъ сорокъ шостого, месяца марца двадцатъ осмого дня, естъ выданъ.—Писанъ в Киевѣ.—Корыкговалъ (Иванъ?) Выговский.

У того экстракту печать кгородска воеводска киевска естъ притиснена, а подписъ руки писарское в тые слова: Войтехъ Рыльский, войский житомирский, писаръ кгородскый киевскый.

Который же то экстрактъ, за поданемъ и прозбою вышь речоное особы подавающее, а за моимъ урядовымъ принятемъ, до книгъ нинешнихъ естъ вписаный.

